

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ
XVII ВЕКА

XVII
ВЕК

ИИ

Соборная
книжная

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

Вступительная статья

*В. П. Адриановой-Перетц
и Д. С. Лихачева*

Подготовка текста и примечания

В. П. Адриановой-Перетц

Сборник впервые объединяет поэтические произведения XVII века, написанные народным стихом и связанные по содержанию и поэтической образности с народной лирикой, эпическими песнями, скоморошьими шутками и прибаутками, пословицами, сатирами и пародиями. Произведения демократической поэзии XVII века оригинальны и разнообразны по содержанию, многие из них исполнены веселья и юмора. Книга рассчитана не только на специалистов и учащихся литературных вузов, но и на широкие читательские круги.

РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

1

XVII век стоит на грани двух эпох: средневековья и нового времени. «Примерно с 17 века» ведет начало нового периода русской истории В. И. Ленин.¹ Ломка старого, начавшаяся в результате постепенного образования «всероссийского рынка» и приведшая к образованию национальных связей, захватывает всю русскую культуру. Во всех областях происходят процессы, удивительные по своей сложности, интенсивности, глубине. Явления глубинные вырываются на поверхность. Все кипит и все на редкость пестро, разнообразно, еще не пришло к единству. Старое доживает, а иногда и оживает перед тем, как исчезнуть, новое пробивается с трудом, но иногда загорается внезапно и ярко, проявляется с необычайной силой, чтобы затем найти свое постоянное место среди явлений истории русской культуры.

Русская литература XVII века очень показательна для сложных процессов развития русской культуры этой эпохи. В литературе совмещаются явления старые с явлениями новыми, влияния иностранные с воздействием народного творчества, старые, средневековые художественные методы с новыми методами и новыми взглядами на задачи литературы, с эмансипацией литературного творчества от задач деловых и церковных.

Литературные явления XVII века так многообразны и так пестры, что иногда кажется, будто они принадлежат разным этапам историко-литературного процесса. Стихи Симеона Полоцкого и «Повесть о Горе и Злочасти», пьесы театра Грегори и «Житие протопопа

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 1, стр. 137.

Аввакума», хронографы и «История дьяка Федора Грибоедова» — все эти произведения так же далеки друг от друга, как парсуны от икон, деревянные шатровые церкви от палат в стиле «нарышкинского барокко».

Как бы, однако, ни были пестры явления литературы XVII века, все они закономерны, их появление отнюдь не случайно, вызвано к жизни ясно определяемыми причинами. Изучение развития русской литературы XVII века — увлекательная задача для историка литературы. Движущие силы литературы, ее отзывчивость на все процессы, происходящие в действительности, почти обнажены перед исследователем.

Одно из интереснейших явлений XVII века — русская демократическая поэзия. Этим условным термином обозначаем группу произведений XVII века, использовавших в своем стихотворном строе народные формы стиха и сказочно-прибауточного рифмованного склада. В устном творчестве эти стиховые и «складные» ритмические формы применяются и в произведениях не народных по своему идейному направлению: в записях начиная с XVII века, например, известны исторические песни, отражающие не народную, а официозную оценку событий Смутного времени и восстания Степана Разина, пословицы, порожденные мировоззрением отсталых слоев населения. Так и в литературе XVII века нередко «демократической» была лишь стихотворная форма изложения. Хотя в большинстве случаев этой форме соответствовала и идейная «демократичность», однако на народный стих равнялись в своих опытах создания лирических песен и дворянские поэты Квашнин и Пазухин, скомороший склад подсказал форму «Послания дворянина дворянину» и т. д. Таким образом, определение «демократический» характеризует стихотворный строй, но не идейную направленность публикуемых ниже произведений, подобно тому как название «силлабическая поэзия» объединяет другую группу произведений также по признаку их стихосложения, хотя они и неоднородны по своей идейной сущности.

Сохранившиеся отрывки демократической поэзии невелики и случайны. До нас дошла, по-видимому, лишь ничтожная часть того, что было написано или записано в это столетие. Большинство произведений, даже самых интересных, сохранилось в единственных списках, притом часто дефектных. Многое осталось на полях служебных бумаг или в записях любопытствующего иностранца. Естественно, что у нас нет точного представления о всей демократической поэзии XVII века, которая все же остается для нас и, по-видимому, навсегда останется в значительной мере «землей неизвестной» русской поэзии. Однако произведения эти все же могут дать представление

о некоторых из процессов, происходивших в XVII веке на грани фольклора и литературы, — на том стыке, где особенно наглядно рождалась новая литература с ее новым художественным методом и новыми темами.

Чтобы понять, что такое русская демократическая поэзия XVII века, необходимо прежде всего вспомнить, что русское стихотворство этого времени представлено в основном двумя типами стихосложения: силлабическим¹ и народным. Поэзия, использующая различные системы народного стихосложения, близка к народной поэзии вообще. Она частью состоит из записей народных произведений, ставших в этих записях фактами литературного развития, а частью из произведений написанных, но сохранивших свою близость к устной народной поэзии не только по своей художественной форме, но и по своим идеям. Вот эту-то поэзию XVII века, использующую народное стихосложение, образную, а часто и идейную основу устной народной поэзии, мы и называем русской демократической поэзией XVII века.

2

Чтобы оценить правильно литературное применение в XVII веке народно-поэтического стиха, необходимо рядом с ним показать и те образцы устного стихотворства, на которые ориентировались писатели. Эти образцы мы приводим лишь в записях XVII — начала XVIII века. Таким образом, литературная повесть о богатыре Сухане, «Сказание о киевских богатырях» и «Повесть о Горе и Злочастии» представлены на фоне героических былин, исторических, лиро-эпических и лирических песен в записях начиная с 1619—1620 годов до первых лет XVIII века; опыты лирических песен, найденные в бумагах Пазухина и Квашнина, сопоставляются с текстами народных лирических песен о рябине и о молодце, о разбойниках и о насильственном пострижении в записях 1619—1729 годов. Корни той формы стиха, точнее, сказочно-прибаутчного склада, какой воспользовались авторы ряда произведений демократической литературы (от «Послания дворянина дворянину» начала XVII века до сатирических и юмористических повестей второй половины XVII века), обнаруживаются и в строе пословиц, в записях XVII — начала XVIII века, и в устной основе таких произведений, как повесть-сказка о Ерше, «Роспись о приданом», где черты скомошьего языка сказок-небылиц выступают с полной отчетливостью.

¹ «Вирши». Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. «Библиотечка поэта». Малая серия. Л., 1935.

Как ни ограничен материал, который бесспорно может быть отнесен к XVII веку, однако из сопоставления фольклорных и литературных произведений этого времени удается установить, что демократическая литература использовала на протяжении всего XVII века три разновидности народного стиха: эпический (былинный), лирический и условно называемый «раешный».

Стихотворные жанры в русской литературе формируются во второй половине XVII века, однако и в произведениях первых десятилетий века заметно, с одной стороны, стремление в особо напряженных, эмоциональных частях повествования на исторические темы строить ритмические ряды синтаксически однородных фраз; с другой стороны, делаются первые попытки все содержание излагать неравносложными рифмованными строками, еще далекими от силлабических стихов, но идущими в направлении к ним (Хворостинин, Шаховской), или строить текст приемами народного стиха. Эти два типа опытов стихотворной речи характеризуют авторов разной среды: к силлабике двигаются писатели — представители и идеологи феодальных верхов, на народные ритмы равняются демократически настроенные авторы из посадского населения, младшего духовенства или мелкого служилого дворянства.

Такое разграничение сохраняется и во второй половине XVII века: развитие силлабического стихотворства связано по преимуществу с литературой верхних слоев феодального общества. Впрочем, к силлабической системе стихосложения прибегали и авторы довольно широко известных во второй половине XVII века «книжных песен».¹

Развитие народно-поэтической речи происходит во второй половине XVII века в творчестве писателей демократически настроенных или, во всяком случае, по своим литературным вкусам близких к той среде, которая хранила и продолжала старую фольклорную традицию. Самый перенос в литературу устнопоэтических видов стиховой и ритмической речи стал возможен именно в XVII веке, так как подъем общественного сознания, вызванный народной борьбой за независимость родины, вовлек в литературное творчество писателей из демократических слоев населения, активно действовавших в народной войне с интервентами. Позднее деятельное участие этих кругов в городских восстаниях середины века также выдвинуло из их среды авторов, избравших орудием борьбы литературу, критически оцени-

¹ Подробно о «книжных песнях» см.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). Ученые записки Московского гос. заочного пед. института, том 1. М., 1958, стр. 9, 13—30.

вающую некоторые стороны феодального строя. И в этой литературе воздействие устнопоэтических стихотворных жанров обнаруживается с полной отчетливостью. Не случайно именно в XVII веке были сделаны и первые записи устнопоэтических произведений — былин, песен, пословиц.

Демократическая стихотворная литература XVII века разнообразна по темам, как и устно-поэтические стихотворные жанры: героика военной истории, сатирическое и юмористическое изображение быта, судебных и церковных порядков, судьба человека, его интимные личные переживания — все это многообразное содержание впервые в русской литературе воплощается в стихотворной форме в XVII веке.

Эта форма еще теоретически не регламентирована, как живущая рядом с нею силлабика. Первый опыт теоретического рассуждения об основах народного стихосложения появится только в 1735 году, когда В. К. Третьяковский издаст свой «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Однако практически и писатели XVII века различали разновидности народного стиха, правильно связывая каждую из них с определенным содержанием.

В теоретических исследованиях, посвященных русскому народному и литературному стиху, намечены истоки предшественников собственно стихотворных произведений, которые появляются внутри прозаического текста в виде неравносложных, но интонационно-синтаксически однородных строк, скрепленных рифмами.¹ Эти рифмованные ритмические отрывки опирались и на давнюю традицию византийской и русской ораторской прозы, и на пример народной пословицной и сказочной, особенно прибауточной речи.

Оставляя в стороне первый тип опытов стихотворного склада повествования, напомним кратко, как проявляется в литературе до XVII века прямое воздействие народной ритмической и рифмованной речи. Минувя вопрос о природе ритмики и напевности «Слова о полку Игореве», до сих пор окончательно не решенный, укажем «Моление Даниила Заточника», где вскрываются черты «скоморошьей» стилистики,² в том числе характерного для нее стремления к рифмующимся или созвучным сочетаниям: «Кому Переславль,

¹ См. подробнее в статье: Л. И. Тимофеев. Об истоках русского литературного стихосложения. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. XV, вып. 6, 1956, стр. 496—514; его же «Очерки теории и истории русского стиха». М., 1958.

² Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника». Труды отдела древнерусской литературы, т. 10, 1954, стр. 114—115.

а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче-озеро, а мне много плача исполнено»; «Лутче бы коему человеку изволи дом погрести, нежели злу жену в дом привести»; «Зла бо жена ни учения слушает, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всех укоряет и всех осужает». П. Н. Берков полагает, что подобные эпизоды «надо считать» «древнейшими образцами стиха, позднее получившего название „раешного“». ¹

Еще яснее выражена склонность к «складной» — рифмованной — речи в «Слове о хмеле», как оно читается в списке 1470-х годов: «...долго лежати — добра не добыти, а горя не избыти, лежа не мощно бога умолити, чти и славы не получитьи, а сладка куса не снести, медовыя чаши не пити, а у князя в нелюбви быти... недо- статки у него дома сидять, а раны у него по плечем лежать...» ²

В поисках устнопоэтических параллелей к названным памятникам мы вынуждены обращаться к единичным записям пословиц, вкрапленным в литературные тексты, или к записям позднего времени — не ранее XVII века. Однако и этот материал позволяет с достаточной обоснованностью утверждать, что традиция народной «складной» речи обнаружилась в литературе раньше, чем появились старшие образцы стихотворства, связанного с народной песенной напевностью. Вкус народного языка к этой «складной» речи, наделенной богатой рифмовкой, доказывается нагляднее всего русскими пословицами, поговорками и приметам, вылившимися в форму стойкого афоризма. Все они дают богатый материал для истории русской рифмы. Без учета этой черты народного языка мы не поймем, откуда в демократической повествовательной литературе XVII века идет это стремление к афористической рифмованной речи. Иногда даже трудно бывает решить — введены ли в повествование готовые народные афоризмы или в живую речь вошли из этой литературы меткие выражения.

Склонность к складной рифмованной форме не была признаком лишь профессионального языка скоморохов: она представляла свойство народного языка в целом. По записям XVII века мы можем

¹ П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1951, стр. 31.

² Сборник собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 9 (1086). Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Текст «Слова о хмеле», читающийся на лл. 520—522, издан: Арх. Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. Ученые записки Второго отделения Академии наук, т. 5, 1859, стр. 64—65.

наблюдать, что даже изречения религиозно-учительной литературы, библейские припоминания, войдя в живую речь в качестве афоризмов, часто приобретали форму складной пословицы-поговорки. Игра собственными именами, к которым подбирались рифмующиеся или созвучные слова, широко практиковалась издавна поговорками. Отсюда она переходила в сатирические повестушки, которые иногда целиком строились на этом приеме.

В исследовательской литературе этот тип стихотворной речи нередко называется «раешником». Однако прав Л. С. Шептаев, предлагающий заменить этот термин и называть стих такого типа «скоморошым», так как он сложился задолго до появления райка.¹ Широкое применение этого стиха в творчестве скоморохов — факт несомненный, он подтверждается и тем, что еще в начале XX века на Севере склад речи в сказках-прибаутках называли «скоморошым ясаком». Но, принимая термин «скомороший» стих, следует все же помнить, что самое развитие этого вида рифмованной речи было обусловлено характерной чертой общенародного, а не только профессионального скоморошья языка: склонностью широко применять самые разнообразные рифмы и ассонансы, особенно в афористической речи.

Л. С. Шептаев определяет раешный-скомороший стих как «говорной» (в отличие от песенного) народный стих, чаще потешного сказа, проявлявшегося в письменной русской литературе «на всем протяжении XVII—XX веков, от писателей эпохи «Смуты» до эпохи Великой Отечественной войны».² Как мы видели выше, отдельные примеры такого типа «говорного» стиха внутри повествовательного текста встречаются задолго до начала XVII века.

Характеризуя раешник, Л. С. Шептаев отмечает его «свободный ритмический строй», указывает, что «течение мысли» в нем «не сковано требованиями равнотактности, не связана раешная речь и стопой. В то же время стиховой ритмоярд, мерность раешной речи отчетливо ощущается главным образом благодаря паузам между речевыми колоннами-строками, снабженными парной рифмой...»³ Эта рифма «несет существенную смысловую нагрузку, иногда принимает на себя смысловое ударение».⁴

По природе своей раешный стих двучленен. Он построен на сопоставлениях и противопоставлениях, закрепленных рифмой. Рифма

¹ Л. С. Шептаев. Русский раешник XVII века. Ученые записки Лен. гос. пед. института им. Герцена, т. 87. Л., 1949, стр. 42.

² Там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 26.

соединяет то, что противопоставляется или объединяется. Она ставится на концах синтаксически симметричных фраз, как в пословицах и поговорках: «Аврам гулял по горам, а Адам крылся по норам», «Аер строит росу, а смерть кует косу», «Аптекама предаться — деньгам не жаться», «Алтын в мошне, а Мартын в квашне» и т. д. Этот смысловой параллелизм в сочетании с грамматической симметрией положен в основу не только пословиц и поговорок, но и целых сюжетов. Основу, например, «Повести о Фоме и Ереме» составляет шуточное противопоставление двух героев, противопоставление, которое на самом деле оборачивается сходством их самих и их судеб. Рифма при этом играет роль своеобразного разоблачителя: слова, которыми определяется поведение Фомы и Еремы, разные, но они рифмуются и этим внешне подчеркивается сходство не только их звучания, но и значения. Перед нами поговорочный параллелизм, положенный в основу целой сатиры:

Ерема был плешив, а Фома шелудив...

Ерема кричит, а Фома верещит...

Ерема стал, а Фома устал...

Ерема броском, а Фома шибком...

И в народном, и в литературном применении этого стиха рифма появляется здесь далеко не всегда. Она возникает как бы случайно, в результате синтаксической симметрии двучленного стиха, но когда она появляется, она всегда выразительно подчеркивает мысль.

Самый стих еще перемешан с прозой, как бы не отделился от нее. Это одна из первоначальных форм стиха.

Стих крепнет по мере того, как породивший его параллелизм ослабевает, отступает на второй план.¹

В самом деле, параллелизм еще чувствуется, но уже значительно ослаблен в «Послании дворительному недругу». Здесь нет противопоставления двух героев, но «разоблачительная» роль рифмы соответственно усилена. Она подчеркивает либо сходство казалось бы различных явлений, либо помогает раскрыть смысл образа. Стих сохраняет свой двучленный характер, и ослабление одной стороны этой двучленности требует усиления другой.

¹ О происхождении рифмы под влиянием параллелизма см.: В. М. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. П., 1923, стр. 274 и сл.; W. Steinitz. Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung, Helsinki, 1934; R. Jakobson. Linguistics and poetics (доклад на конференции по стилю Индианского университета в апреле 1958 г., гектограф), стр. 31 и сл.

Живешь ты, господине, вкупе, а толчешь в ступе.

И то завернется у тебя в пупе, потому что ты добре опалчив
вкруте.

И яз твоего величества не боюсь и впредь тебе пригожусь.

Да велел ты, господине, взяти рж<и>, и ты, господине, не учини
в ней лжи. . .

То же явление мы наблюдаем и в «Послании дворянина дворянину»:

А на пытках пытаются, а правды не знают.

Правду-де скажи, а ничего не солжи.

А яз им божился, и с ног свалился, и на бок ложился:

«Немного у меня ржи, нет во мне лжи,
истинно глаголю, воистину не лжу».

И они того не знают, больше того пытаются.

И учинили надо мною путем, мазали кожу двожды кнутом.

Грамматическая односторонность рифмующихся слов — это не недостаток рифмы, не результат творческой бедности авторов, а органическое свойство раешного стиха, которое позволяет строить синтаксический параллелизм, вскрывающий параллелизм смысловой.

Нет ничего удивительного в том, что раешный стих был больше всего приспособлен для сатиры. Неожиданные сопоставления и противопоставления было легко использовать для разоблачения и обнажения сущности явлений. «Разоблачала» рифма, сигнализируя со смешком, лукаво о сходстве противопоставляемых явлений, разоблачала синтаксическая одинаковость каждого из двух членов стиха, как бы требовавшего произнесения двумя исполнителями. Вот почему раешный стих разрабатывал сюжеты, лишённые какой бы то ни было приподнятости. Он касался самых «низких» сюжетов, сугубо бытовых вопросов. Форма раешного стиха была прекрасно приспособлена для всякого рода снижений «высоких» тем: богатства, богослужебной торжественности, напыщенности вельмож и т. д.

В демократической сатирической и юмористической литературе этот стих широко применялся даже тогда, когда через школу теория силлабического стихосложения проникла и в демократические слои.

Поговорки и пословицы, с одной стороны, и раешные стихи — с другой, были очень близки по задачам: те и другие позволяли легче переносить трудности жизни, подчеркивая механическую повторяемость явлений, их своеобразную «закономерность», обнаруживая смешное и нестрашное в том, что было способно больно ранить сознание человека.

Старшие образцы литературного применения в XVII веке рашского стиха относятся уже к началу века. «Послание дворительное недругу» стилизовано в манере образцовых «письменных обращений к лицам разного звания и положения, находящимся в различных служебных или родственных отношениях к пишущему».¹ Эти образцы писем-посланий собирались в «письмовники» или «формулярники». Автор, «видимо, посадский, пострадавший от взяточника приказного или землевладельца, иронизирует над своим классовым врагом в стиле народной сатиры».² Рифмованная речь «Послания» сближает его с пословицами, откуда идут и некоторые рифмы, и ассонансы, и даже отдельные выражения («ржи» — «лжи», «пожалуй к нам в гости ни ногою», «немало» — «не стало»). Рядом с униженно-просительными и преувеличенно хвалебными посланиями «письмовников» «Послание дворительное недругу» выглядит и как пародия на них, направленная, однако, не на самую форму этих пышных посланий, а на их героя — «большого» человека, наделенного властью и обижающего «меньшого».

В той же манере образцовых «посланий» начинает и кончает свое «Послание дворянина дворянину» тульский помещик Фуников, описывая в средней части рассказа свои злоключения — разорение поместья и расправу крестьян во время восстания Болотникова. Эта средняя часть послания изложена рифмованной прозой, напоминающей богатством рифм и ассонансов пословицы и сказочный прибауточный стиль, к которому ведет и иронический оттенок рассказа.

Во второй половине XVII века сказочно-прибауточная речь, широко применяемая в народных сказках-небылицах, формирует пародийную «Роспись о приданом». Подобные «смехотворные» росписи продолжали составляться и в XVIII веке, заменяя старые названия одежды, украшений, мебели и т. д. новыми, вошедшими в быт после петровской реформы. Пародируя форму подлинных «рядных», «сговорных» записей, в которых перечислялись предметы приданого невесты, «смехотворные» росписи высмеивали обычные в небогатой среде «свадебные обманы» — те росписи, которые писались для гостей, чтобы перед ними похвалиться большим приданым. В рамках «рядной» составители таких росписей сказочно-прибауточной речью перечисляли невероятные предметы. Рифмующиеся строки росписей построены в манере сказок-небылиц, нередко встречающихся и в записях нового времени. Вот, например, как описывается хозяй-

¹ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. М. — Л., 1954, стр. 235—236.

² Там же, стр. 239.

ство старика и старухи в одной из северных «прибауток»: «Рогатого скота было много: два кота убойных, да две кошки подойных, сука без хвоста да ступа без песта; посуды было множество: медного, оловянного, полтора блюда деревянного». ¹

Свободно владеет рашным стихом и автор «Сказания о попе Саве». «Сказание», построенное в основной части на сказочно-прибауточный лад, насыщено обычными в пословицах XVII века рифмами и выражениями («что бубнов поведу» — «гол что бубен»; «головою своею наложить» — «баба ворожила — да головой наложила»; «глас божи — глас народа»; «хотя тебе непригожо, тут твоя и рожа» — «без глаз рожа непригожа»; «у тебя бороденка выросла, а ума не вынесла» — «борода выросла, а ума не вынесла»; «на лес глядя рос» — «глядя на лес, не выростешь»); даже само заглавие напоминает поговорки: «Был Сава, была и слава», «Каков Сава, такова ему и слава» и т. д. Начало «сна попа Савы» повторяет зачин многих народных свадебных и лирических песен; «смешной икос» пародирует одну из форм церковных песнопений, однако самый характер рифм и афористическая форма сближает и эти части «Сказания» с той же народной прибауточной речью, особенно афористической.

Второй половиной XVII века датируются и рифмованная «Повесть о Ерше», которая представляет собой переделку широко известной сатирической повести — «судного дела» ерша с лещом, и такое же стихотворное «Сказание о Ерше», которое рассказывает о том, как ерша, ушедшего от судебного приговора, ловили, готовили из него уху, делили. Вся повестушка построена на игре рифмами и созвучиями к собственным именам — на приеме, широко применявшемся в пословицах и поговорках. В сборнике пословиц XVII века есть точные параллели к рифмам повестушки: Назар — базар, Мартын — алтын, Глеб — хлеб, Клим — клин, Иуда — блюдо, Ульян — пьян; близки к пословичным созвучия: Демид — делить (ср. Денис — делись), Абросим — бросил (ср. Обросим — просит), Сава — сала (ср. Сава — слава). Рассказ мог разрастаться, пока не исчерпывалась изобретательность сочинителя, нанизывавшего все новые имена со своими созвучиями. Именно с точки зрения этой игры рифмами-созвучиями и интересна эта повестушка, подтверждающая вкус к рифмованной речи демократических читателей XVII века. ²

Позднее, чем устная афористическая рифмованная речь и сказочно-прибауточный склад, нашли отражение в литературе собственно

¹ Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908, стр. 508.

² Русская демократическая сатира XVII века, стр. 222—223.

стихотворные песенные народные формы — былина и лирическая песня.

Опыты реконструкции системы народного стихосложения в равнообразных его проявлениях — от речитативного эпического стиха до «частых» плясовых песен и частушек — еще не дали окончательных результатов. Особенно спорными оказываются попытки определить метр протяжной лирической песни. Спор в конечном итоге упирается в основной вопрос: можно ли изучать отдельно словесный текст от музыкального. Ряд исследователей за последние годы пришли к выводу, что «нет нужды фетишизировать неразрывность напева и текста народных песен и былин»,¹ поэтому не исключена возможность изолированного исследования русской народной ритмики и напевов. Эти исследователи предлагают иногда весьма детально разработанные таблицы народных стиховых метров.² Но эти опыты вызывают резко отрицательное отношение со стороны и музыковедов и фольклористов, принципиально отвергающих самую возможность раздельного изучения текста и напева песни, в особенности на материале протяжных песен.³ Ставя вопрос таким образом, исследователи этой группы пока не предложили определения своеобразного «метра как особого рода закономерности, объединяющей группы ритмических единиц» протяжной песни.⁴

Последний по времени опыт определения системы народного стихосложения принадлежит А. Квятковскому. Стих «Слова о полку Игореве», многих былин и рашеник он относит к группе «дисметрических» стихов, в которых «пространство стиха» неопределенно, нет количественной закономерности. Они не имеют ритмической структуры, потому что в них нет метра. Это «ритмонды».⁵ «Формирование дисметрических стихов полностью вытекает из внутренних законов языка и речевых норм», — пишет А. Квятковский. В отличие от этих стихов, «в правильных метрических стихах речевой процесс формируется, кроме того, в пределах метрических норм, которые по отношению к языковым нормам являются вторичной, добавочной формой эстетического значения». «Реальный ритмико-речевой процесс в стихе образуется в результате взаимодействия языковых и метри-

¹ См.: М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952, стр. 151.

² См., например, статью: А. Квятковский. Русское стихосложение. — «Русская литература», 1960, № 1, стр. 78—104.

³ См.: И. И. Земцовский. О взаимосвязи текста с напевом русской протяжной лирической песни. Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 5, М. — Л., 1960, стр. 219—230.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ А. Квятковский. Русское стихосложение, стр. 82—83.

ческих норм, направленных на реализацию... высокоиндейного содержания». ¹

А. Квятковский в определении основных форм русского стиха, прежде всего народного, исходит из понятия равнодольности, а не равносложности стиха: в счет он вводит и структурные паузы, которыми замещается часть слогов-долей, различает слоги длинные, краткие и кратчайшие (т. е. равнодольные).

Как ни интересны предположения А. Квятковского, но по записям песен и былин XVII века мы не имеем возможности их проверить и раскрыть метрическую систему сохранившихся от этого времени текстов. Не говоря уже о том, что самая точность этих старших записей вызывает сомнение, они лишены напевов, и потому уловить в них паузы и растяжения или сокращения слогов для реконструкции их метрического рисунка невозможно. К тому же «реставрация» стиха и в устном и в литературном его варианте всегда может вызвать справедливые возражения, так как народный стих — свободный, в нем не обязательно точное повторение структуры даже в соседних строках. Поэтому подгонять все стихи под одну определенную схему всегда рискованно.

3

Как следует представлять себе отношение в XVII веке демократической поэзии к поэзии устной? Эти отношения были очень неустойчивы. Демократическая поэзия постоянно колебалась между книжной поэзией и поэзией устной. Поскольку произведения устной поэзии в это время начали записывать и переписывать, они становились уже явлениями не только фольклора, но и литературы. В эти записи, как и в возникавшие на устнопоэтической основе литературные произведения, иногда проникали книжные элементы. Но в целом они оставались по своей поэтике ближе к устной традиции. Эта традиция преобладала и в поэтической системе демократической литературной поэзии.

Записи былин, дошедшие до нас от XVII века в отрывках, характеризуют вкусы читателей в той же мере, как и слушателей, и дают представление об одном из способов вхождения фольклора в литературу. Записи делались далеко не совершенно, вряд ли всегда с голоса исполнителя — чаще по памяти. При записывании обычно убиралась повторы, естественные в устном исполнении, но

¹ А. Квятковский. Русское стихосложение, стр. 86.

непривычные в письменности, вносились разъяснения. Ритм при этом нарушался. Нарушался он и оттого, что записывавший вряд ли мог этот ритм чувствовать в момент записи. Он писал медленно и не мог поэтому тщательно следить за исправностью стихосложения. Былина интересовала его по преимуществу своим содержанием, и именно содержание стремился он воспроизвести в первую очередь.

Что же интересовало писца в содержании былин? Отрывки всех трех былин, до нас сохранившиеся, характерны. Одна былина героического характера — «Алеша и Тугарин Змеевич» — изображает борьбу богатыря с иноземным врагом, уже захватившим власть и подчинившим себе киевского князя. Особое значение отрывка былины об Алеше Поповиче определяется не только его ритмической сохранностью, но и тем, что среди записей XVII века других былин этот отрывок единственный, в котором отразилась тема социального протеста: князь Владимир с его угодливостью по отношению к иноземному захватчику Тугарину противостоит богатырю, смело упрекающему князя за эту угодливость и открыто издеваемому над жадностью «болвана нетесаного» — Тугарина.

Из двух былин любовно-приключенческих — «Михаил Поток» и «Иван Годинович» — наиболее интересен большой отрывок былины о Михаиле Потоке. В этом отрывке многое напоминает переводную рыцарскую повесть XVII века. Здесь и сказочные мотивы, и мотивы любовные, сложные перипетии и искусные затяжки действия, возбуждающие интерес читателя троекратными повторениями ситуаций с постепенным нарастанием сложности положения и опасностей для героев. Сюжетная занимательность играет в этой былине важнейшую роль, и это было явно созвучно литературе XVII века, в которой постепенно сюжетной занимательности уделяется все большее и большее место.

В самом деле, если раньше, до XVII века, русская литература опиралась по преимуществу на интерес своих читателей к религиозно-нравственным сюжетам, политическим идеям или чисто деловой стороне произведения, то теперь, в ходе постепенного освобождения литературы от церковного господства и отделения ее от деловой письменности, сюжетная занимательность начинает отвоевывать в ней все большее место. Литература становится областью только художественного творчества, и, эмансипируясь, стремится найти новую основу для своего существования. Фольклор опережал в XVII веке литературу в отношении своей самостоятельности как художественного творчества. И с этой точки зрения он представлял исключительный интерес для писателей того времени. Однако при внесении устных произведений в литературу кое в чем эти старые представ-

ления о литературе давали себя знать. В записи былины вносились религиозные мотивировки действий богатырей, — богатыри проявляют благочестие. В записи былины о Михаиле Потоке последний крестит Авдотью Лиховидьевну, а затем их венчает «владыка черниговский».

Отдельные церковно-книжные элементы вкрадываются не только в записи фольклорных произведений, но в еще большей мере в повести, сказания и исторические песни демократической поэзии, что должно было придать этим произведениям более «серьезный» вид, оправдать их появление в книжности. Представление о литературе как о «благочестивом» чтении было в XVII веке еще достаточно сильно. Так, в «Сказании о киевских богатырях» Илья Муромец перед отправлением в поход на Царьград советует своим богатырям: «Мы станем богу молиться, Чтобы нам бог помощь послал На царьградских богатырей». В этом месте «Сказания» даже ритм нарушен, как он нарушается и во всех остальных местах «Сказания», отзывающихся книжностью. Так и богатырь Сухан в повести, увидев несметные силы вражеского войска:

Учал богатырь богу молиться:
«О царице богородице!
Утоли стремление безумное,
смири сердце нечестивое...»

«Сказание о киевских богатырях» является старейшим образцом такой литературной обработки народного эпоса, которая характеризует первые шаги по пути создания нового типа героической повести, тесно связанной с традиционными былинами о богатырях-защитниках Русского государства от иноземных нашествий и в то же время отражающей историческую и бытовую обстановку XVII века. Попыты создания подобных повестей — одно из проявлений роста демократической литературы, все более убыстряющегося к середине XVII века.

«Сказание» соединяет два былинных сюжета — об Илье Муромце и Идолище поганом (в той его версии, где действие происходит в Царьграде) и об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче. Однако автор был хорошо знаком и с другими былинами, владел былинной стилистикой и широко использовал ее. Самостоятельность автора сказалась и в частичном изменении былинной фабулы, и в расширении ее мотивами других былин, и в свободном обращении с традиционными приемами былинной стилистики, которую он объединяет с деловой речью XVI—XVII веков и с формулами поздней воинской повести. Отношения между героями «Сказания» и обстановка, в какой они действуют, отражают быт и нравы московского царского

двора, особенно XVII века. М. Н. Сперанский предполагает, что «Сказание» сложено в посадской среде в начале XVII века.¹

Еще ярче характеризует поиски новой формы героического повествования, выражающего патриотическую идею защиты родины от захватчиков, «Повесть о Сухане». Отталкиваясь, как и «Сказание о киевских богатырях», от былинного эпоса, «Повесть о Сухане» проявляет бóльшую самостоятельность в отношении к нему. По наблюдениям В. И. Малышева, нашедшего и впервые опубликовавшего эту повесть, автор ее, все внимание сосредоточив на изображении победы богатыря над войском царя Азбука, опирался на ту версию устной былины о Сухане, где отсутствует конфликт между князем и богатырем и Сухан умирает, израненный в бою. По мнению исследователя, именно такой вариант былины «наиболее отвечал тому интересу к былинам о нашествии неверной силы, какой обострился в XVII веке в связи с набегами крымских и нагайских татар на южные и юго-восточные границы государства». Но связь повести с народным эпосом не ограничивается одноименной былинной. «Автор владел приемами былинного повествования вообще», «умело применял их, вводя новые, по сравнению со своим основным источником, подробности в характеристику богатыря и в описание его подвига». Историческая обстановка XVII века внесла в облик богатыря черты служилого человека этого времени, а старая воинская повесть, в частности «Сказание о Мамаевом побоище», оказала воздействие на стилистику «Повести о Сухане». Однако в целом эта повесть, созданная выходцем из военно-служилой среды, ближе стоит «именно к устной поэтической традиции, чем к устоявшимся формам литературного воинского жанра, уже закончившего во второй половине XVII века свое развитие».²

Наиболее сложно взаимоотношение книжных и фольклорных элементов проявляется в лирических песнях. В частности, необходимо подробно остановиться на взаимоотношении устных и литературных элементов в песнях П. А. Квашнина, одного из членов семьи Квашниных-Самариных, известной в конце XVII века по боярским книгам. Петр Андреевич Квашнин был сыном стольника Андрея Никитича Квашнина.³

¹ «Сказание о семи богатырях» — повесть XVII века. — *Slavia*, т. 27, 1958, стр. 1—29.

² В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, стр. 42—121.

³ М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1932, № 10, стр. 916.

М. Н. Сперанский признавал тексты Квашнина образцами подлинно народной любовной лирики. Однако сопоставление их с сохранившимися в песенниках XVIII века песнями на те же темы заставляет усомниться в справедливости такого вывода. В. В. Данилов расценил эти тексты как «авторскую черновую рукопись», автора же признал принадлежащим к «культурной и обеспеченной среде социальных верхов»: он был дворянин, который в военное время находился «на дальней службе государевой».¹ Эта точка зрения была принята и Л. С. Шептаевым, называющим П. А. Квашнина «дворянским поэтом XVII века, который в противовес современной ему моралистически-проповеднической поэзии С. Полоцкого сочинял любовно-бытовые стихи и опирался при этом не на вирши, а на традиции народной песни». Опубликованные М. Н. Сперанским тексты — «не просто записи народных песен, а плод индивидуального творчества поэта, стилизовавшего свои стихи под народную песню».²

Самый внешний вид записей вызывает вопрос: чем объясняются многочисленные поправки в текстах (зачеркнутые слова, вписанные слова и целые строки), незаконченные слова и пропуски частей строк? Имеем ли мы здесь итог исправлений, сделанных Квашниным при повторном слушании песни, или это записи по памяти, исправленные затем «с голоса», или, наконец, это следы собственной работы Квашнина над своими или готовыми текстами? Есть основания предполагать скорее последнее.

Обращает на себя внимание самый подбор песен: в большей части их повторяется одна и та же ситуация — «мил друг» изменил, предполагается, что любящих поссорили недруги, покинутый изливается в жалобах. Иногда «кручина» не так ясно мотивирована. Только в одной песне (9) «зла досадна вестка» извещает, что «милы друг неможет». В целом тексты Квашнина — это лирика грусти, преувеличенное изображение горя покинутых, проникнутое крайней чувствительностью, настроением безнадежности. В изображении этой ситуации настойчиво повторяются одни и те же мотивы и стилистические комплексы, как будто переходящие из песни в песню. Создается впечатление, что перед нами репертуар одного исполнителя или, вернее, одного автора, непрерывно возвращающегося

¹ В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. Труды отдела древнерусской литературы, т. 2, 1935, стр. 178—179.

² Л. С. Шептаев. О репертуаре русской народной бытовой песни XVII века, Ученые записки Лен. гос. пед. института им. Герцена, т. 134, 1957, стр. 93.

к одной теме, к выражению одних и тех же настроений. Среди этих повторяющихся фразеологических сочетаний есть и такие, которые построены на традиционных поэтических образах народной лирики, но преобладает индивидуальная стилистика. Как в народной протяжной песне, к которой по настроениям близки тексты Квашнина, в них нет рифмы и однообразного ритма, но песенная напевность слышна отчетливо.

Обращаясь к публикациям XVIII века лирических песен и к рукописным песенникам этого времени, мы находим среди них значительную группу произведений на ту же тему разлуки двух любящих: ссора происходит либо потому, что один изменил, либо из-за наговоров злых людей и очень редко объясняется отъездом молодца на службу государеву. Покинутый или покинутая изливают свое горе в преувеличенных жалобах, иногда угрожают утешиться новой любовью, реже обещают верность «до гроба», если изменивший вернется. И содержание (частые упоминания Москвы, городского рынка, где сплетничают; письма, которые пишут и девушка и молодец; «нянюшки-мамушки» у девушки и т. д.), и общий чувствительный тон, не свойственный крестьянской лирике, гиперболизм в описании горестных переживаний, наконец лексика песен — все это говорит, что многие из песен в песенниках XVIII века на темы разлуки, неудачной любви созданы в городской среде. Это старшие образцы «жесточкого» романса, который в XIX веке получит широкое распространение в мещанстве. О хорошем знакомстве Квашнина с лирическими песнями этого типа свидетельствует прежде всего содержащийся в рукописи перечень начальных строк целого ряда песен, по-видимому переписанный из какого-либо песенника. Подобные перечни известны и в песенниках XVIII века. А. В. Позднеев сообщает о таком перечне, найденном им в песеннике, хранящемся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (О. XIV. 22).¹

Тексты Квашнина, близкие по темам к этой группе городских лирических песен и окрашенные еще более ярко выраженной чувствительностью, еще более напряженными горестными настроениями, иногда пользуются фразеологией городского песенного фольклора. Однако ни к одной из песен в целом, записанных Квашниным, нельзя подобрать в них хотя бы похожих вариантов. Это последнее

¹ А. В. Позднеев. Лирические песни XVII века. К вопросу о репертуаре. Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 1, М.—Л., 1956, стр. 81. Здесь же сделан опыт восстановления тех песен, начала которых записаны Квашниным.

обстоятельство и наводит на мысль, что Квашнин или сам был автором песен, или часть их записал от авторов, а часть сочинил на ту же тему. Не случайно, видимо, под 9-м текстом он пометил: «писал Петр» (Петр Андреевич Квашнин), а над 1-й песней — «Сия песня писано Петр Квашнин».

Стилистическая самостоятельность даже в пределах сходных с песнями XVIII века мотивов подтверждает предположение, что Квашнин не записывал готовые тексты, а сочинял их в рамках сложившейся традиции лирики грусти, традиции, характерной не для крестьянской песни, а для песни, бытовавшей в среде городской или служилой. Возможно, что, именно находясь на «далекой службе государевой», неизвестные поэты особенно культивировали тему разлуки, и о любви думали, опасаясь измены.

Близки по времени к песням П. А. Квашнина и сходны с ними по содержанию две песни, обнаруженные И. М. Кудрявцевым на документе из архива костромского дворянина С. И. Пазухина.¹ По предположению И. М. Кудрявцева, запись сделана где-то в районе Тамбова и Козлова, когда тридцатилетний Пазухин, в служебной поездке разлученный с семьей, заинтересовался песнями на тему разлуки. Эти песни, записанные под именами их авторов, по мнению И. М. Кудрявцева, «сложились в среде служилого дворянства» и представляют собой «старейшие образцы лирики, создававшейся на основе народных лирических песен, в противовес книжной силлабической поэзии». В самом изображении настроений грусти авторы явно следовали традиции устных городских песен на темы разлуки и измены.

Единственный более ранний образец этой лирики служилых людей мы знаем по песне о «весновой службе», входящей в цикл песен, записанных для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 годах. Эта песня также принадлежит, видимо, к произведениям личным, а не народным, хотя и написанным в духе народной поэзии.² В позднейшей традиции эта песня неизвестна.

Песня сочинена от лица служилых людей, охранявших дальние границы Русского государства. Служилые люди молятся богу, чтобы он не давал им зимней трудной службы, когда «томятся молодцы», а дал службу весеннюю: «весновая служба молодцам веселье, а сердцу

¹ И. М. Кудрявцев. Две лирические песни, записанные в XVII веке. Труды отдела древнерусской литературы, т. 9, 1953, стр. 380—386.

² См.: В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. Труды отдела древнерусской литературы, т. 2, 1935.

утеха». Заканчивается песня описанием «весновой службы». Ни тема этой песни, ни самые ее герои не типичны для народной поэзии, но основная система ее образов, стихосложение — типично фольклорные. Особенно обращает на себя внимание описание зимней прибрежной природы в начале песни. Это описание кажется отражением народного параллелизма между природой и человеком, но параллелизма этого все же нет. Картина природы в начале песни используется только для создания определенного настроения, как элемент описания трудностей «зимовой службы».

Явно городского происхождения все остальные песни сборника Ричарда Джемса. Песня «А не сильная туча затучилася...», как определил ее В. В. Данилов в своем исследовании об этом сборнике, — это песня-агитка. Она изображает торжество над ханом Кази-Гиреем в 1598 году, как изображала его церковь: это чудо.

Песни-заплачки, посвященные судьбе Ксении Годуновой, сложены, как предположил еще Вс. Миллер,¹ в связи с перенесением праха Годуновых.

Песня из того же сборника, посвященная внезапной и трагической смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в 1610 году, ближе всего к народной песне на тот же сюжет, но одновременно она близка и книжной воинской повести «О рождении князя Михаила Васильевича», включенной в хронограф. И повесть хронографа, и песня из сборника Ричарда Джемса возникли в одной и той же социальной среде: в средних слоях городского населения, может быть даже точнее — в торговых. Не случайно, думается, плач «гостей москвичей» по Михаиле Скопине-Шуйском занимает в этой песне композиционно важное место.

Наконец, песня о возвращении из польского плена Филарета Никитича в 1619 году отражает официальные настроения и официальную точку зрения. Отцу царя Михаила Филарету Никитичу была устроена пышная встреча. Необходимо было «слепящею глаза церемониею загладить ухабы прошлой жизни Филарета Никитича, бывшего в Тушинском стане «воровским» патриархом, и, во-вторых, разглядить ему путь к московскому патриаршеству».² Начало песни представляет собой парафраз слов окружной царской грамоты от 3 июля 1619 года: «Великий государь наш, отец и богомолец, пресвященный митрополит Филарет Микитич из Польши и из Литвы

¹ Вс. Миллер. Отголоски Смутного времени в былинах. Известия Отделения русского языка и словесности АН, 1901, т. 9, кн. 2, стр. 159.

² В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина, стр. 173.

пришел в Московское государство, о чём мы и все люди Московского государства великия радости наполнилися».

Сложное по своей стиховой структуре и поэтике явление представляет «Повесть о Горе и Злочастии», отразившая обе песенные системы устной поэзии — и былинную, и свойственную лирической песне. Не подлежит сомнению близость «Повести о Горе и Злочастии» фольклорным песням о Горе как женской доле.¹ Так же, как и в «Повести», в народных песнях Горе показано навязчивым, неотступно преследующим человека существом, от которого нельзя укрыться — только разве в могиле. В песне девушка жалуется:

Я от Горя в сыру землю пошла,
за мной Горе с лопатой идет,
стоит Горе, выхваляется:
«Вогнало, вогнало я девицу в сыру землю».²

Есть в «Повести» мотивы, напоминающие былины: обычай, по которому молодец приходит на пир («крестил он лице свое белое, поклонился чудным образом, бил челом он добрым людем на все четыре стороны»), грусть на пиру («молодец на пиру невесел седит, кручиноват, скорбен, нерадостен») и т. д. Напоминают в «Повести» былины и отдельные устойчивые формулы, эпитеты, самый стих. В «Повести» есть в виде вставки и народная лирическая песнь, очень близкая к подлинным. Ее поет молодец на «крутом красном бережку», став от отчаяния весел и беззаботен. Начало же «Повести» напоминает собою духовный стих.

Однако в целом «Повесть» — явление письменного творчества, а отнюдь не устного. Народное творчество не знает такого смешения жанров, такой сложности в построении произведения, такого широкого морально-философского замысла. Изобличают письменное происхождение «Повести» и отдельные книжные выражения: «яко», «по божию попущению, а по действу дияволу», «жития сего» и пр.

Итак, из сопоставления отдельных произведений демократической поэзии с народной и с книжной ясно видно, что в демократической поэзии перед нами не фольклор и не литература в ее высоком, книжном роде. Демократическая поэзия находится на границе между той и другой. Через нее (но и не только через нее) происходило питание новой литературы живительными народными соками.

¹ См.: В. Ф. Р ж и г а. Повесть о Горе-Злочастии и песни о Горе. — Slavia, 1931, т. 10, в. 2.

² П. Ш е й н. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, т. 1, ч. 1. СПб., 1898, стр. 322.

Что же нового внесла в литературу XVII века стоящая на грани фольклора и книжности демократическая поэзия? Новое в демократической поэзии XVII века было связано прежде всего с новым отношением к человеческой личности.

XVII век — век освобождения человека от гнета средневековой корпоративности, от представлений того времени, когда человек прежде всего воспринимался как член той или иной корпорации, только в связи с занимаемым им положением в феодальной иерархии.¹ В литературе это освобождение личности, сознание ее ценности самой по себе сказывается во все усиливающемся автобиографизме произведений. Авторы исторических повестей о Смутном времени заняты оправданием своего собственного поведения в сложных и изменчивых политических обстоятельствах Смуты. Появляются первые автобиографии — Аввакума, Епифания. Способность творческого перевоплощения в другую личность, осознание ценности чужого мнения, чужой психологии, способность глядеть на мир с точки зрения другого лица делает возможным появление драмы и театра. Появляется интерес к любовным темам, к темам личной судьбы человека и т. д.

С точки зрения формирования в литературе сознания ценности человеческой личности демократическая поэзия XVII века представляет особый интерес. Лирическое начало было всегда очень сильно в древней русской литературе, но оно проникало по преимуществу в произведения, посвященные темам широкого общественного значения. Древнерусские писатели умели выражать чувства гордости успехами своей родины и скорби по поводу ее бедствий, прославлять исторических деятелей за их полезные родине дела и обличать за недостойное поведение. Во всех этих случаях древнерусский автор говорил как бы от лица своих читателей. Автор и читатель сливались в единстве своего отношения к общественным событиям. Автор еще слабо индивидуализирован.

В демократической поэзии лирический герой еще во многих случаях коллективен. Но этот «коллектив» уже невелик и ведет повествование о событиях своей жизни и от своего лица. Эти события очень часто отнюдь не исторические; переживания коллектива не носят широкого общественного характера, как в песне, записанной для Ричарда Джемса, о «весновой службе». Там молодцы — служилые люди — жалуется на трудности своей зимней службы и просят

¹ См.: Д. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 28.

у бога службы весенней. Такая тема и такой коллектив, от лица которого строится песня, были бы совершенно невозможны в литературе предшествующего периода. Автор не пытается выдать свои настроения, свои душевные переживания за настроения и переживания читателя. Жалобы и мольбы автора ведутся не от лица Русской земли и русских людей, не от лица даже казанцев (как в «Истории о Казанском царстве» XVI века) или новгородцев (как в новгородских летописях) и не с позиции церковного проповедника, а от лица совсем другой категории людей: от лица патриарших певчих, монахов Калязинского монастыря и т. п. Эти категории лиц, не совсем смешиваются и с автором: они объективированы, вымышлены.

В самом деле, можем ли мы считать, что автор во всех случаях принадлежал именно к той категории людей, от лица которых он ведет свое повествование? Для литературы предшествующего периода это было естественным почти во всех случаях. В демократической поэзии этого нет. На литературную арену выступает не только вымышленный герой,¹ но и вымышленный образ автора. В демократической литературе лирический монолог часто ведется от лица разных лиц. Так, в песне, записанной для Ричарда Джемса, «Ино что у нас в Москве учинилося...» лирический монолог ведется то от лица гостей москвичей, то от лица князей-бояр, то от лица «свицких немцев» (шведов). Все они по-разному оценивают смерть Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Неизвестный поэт ведет свои лирические жалобы от лица Ксении Годуновой, проникая в ее психологию, выражая ее мысли и ее желания. Перед нами своеобразное искусство перевоплощения, искусство, которого в такой мере, как в XVII веке, не знала древняя Русь и которое несомненно связано с открытием ценности человеческой личности и со стремлением понять ее и художественно воплотить это понимание в литературе.

Демократическая лирика, следуя в этом за народной, имеет в основном двух лирических героев: девицу и молодца. Но замечательно, что авторы демократических произведений ведут свое лирическое повествование как от лица девицы, так и от лица молодца. И это в песнях, которые могут считаться явно сочиненными, а не записанными. Так, песни П. А. Квашнина написаны им то от лица девицы, то от лица молодца. Иногда образ девицы и образ молодца смешиваются («Ай не красной цвет рано...»). Такое перевоплощение автора облегчается традиционностью тем, близких и тому и другому лирическому герою: разлука с любимым или любимой, измена, кле-

¹ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 119—140.

вета. Разные точки зрения и разные в связи с этим отношения к одному и тому же событию поражают при этом своею несовместимостью, как это нередко наблюдается и в устной народной песне. Так, «Песня о рябине» начинается сочувствием жене, которая замужем за постылым мужем, а заканчивается ее резким осуждением и даже бранью по ее адресу. В другой устной песне автор упрощает жену постричься в монастыре, а затем съезжающиеся князья и бояре дивятся на «старницу молодешеньку».

Особенно интересно и для устной и для литературной песни и стихотворной повести усложнение образа молодца, типичное для «бунташного» XVII века. В народной песне появляется образ бесшабашного молодца, для которого кабак — рай, а кабацкие головы и целовальники — райские ангелы. Этот образ уже сродни разинской голытьбе. В нем есть что-то близкое разбойничкам Разина, не заботящимся о своей судьбе и собственном благополучии.

Новое отношение к человеку в полной мере воплотила в себе «Повесть о Горе и Злочастии». Она рисует злосчастную судьбу безвестного молодца, дошедшего до последних пределов падения. Трудно упасть ниже его, ему нет никакого оправдания. Его судьба складывалась вначале благополучно и добропорядочно: он был сыном благочестивых родителей, наставлявших его уму-разуму, но он по собственной воле свел дружбу с питухами кабацкими, сам ушел от своих родителей, сам лишился всего, что имел. Но автор «Повести» отнюдь не осуждает его. «Повесть» проникнута теплым сочувствием к молодцу. Личность человека достойна сочувствия, кто бы ни был этот человек. Здесь нет и намека на суровое деление людей в средневековье на добрых и злых, благонравных и грешников. Каждый человек в какой-то мере ценен, в том числе и тот, который наг, бос, пьет, играет с костярами, в уши которого «шумит разбой».

Образ молодца «Повести» заслуживает внимания еще с одной стороны. Молодец «Повести» — это человек обездоленный и одновременно свободный от всяких страхов, присущих людям, обладающим достатком и положением в обществе. Он свободен от запретов, ему нечего беречь, нечем дорожить. И в этом отношении он в известной мере типичен для второй половины XVII века.

Экономический кризис второй половины XVII века привел к многочисленным крестьянским и городским восстаниям. Толпы обездоленных людей разбредались из сел и городов, скитались «меж двор» и уходили на окраины государства. Это создало особый тип человека, которому нечего больше терять, человека, готового на разбой и на татьбу, ненавидящего богатых, но не примыкающего ни к одной устойчивой социальной группе.

В одной из песен о Разине поется о таком молодце:

Кабы слушался отца с матерью,
Споважил бы крестова батюшку,
Не скитался бы по белу-свету. . .
Как умру-то я, добрый молодец,
Похоронят меня без отпетия,
Без креста, без попа, без ладона. . .¹

Молодец «Повести», хоть и безвольный, — потенциальный бунтовщик, один из тех представителей голытьбы, которая легко примыкала к различным восстаниям, особенно крестьянским, стихийным по своей природе. Недаром автор «Повести» и сам говорит о молодце: «А нагому-босому шумить розбой». Горе «научает молодца богато жить, убити и' ограбить, чтобы молодца за то повесили». Не случайно и народные песни о разбойниках сочувственно называют их «детинушками», «сиротинушками», «бесприютными головушками».

Это о нем, о молодце нашей «Повести», сказано у Радищева: «Посмотри на русского человека: найдешь его задумчива. Если хочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обогранный кровию от оплеух, многое может решить, доселе гадательное в истории российской».²

Автор «Повести» создал обобщенный образ молодого человека своей эпохи, доведенного до последней ступени падения и в этом своем падении находящего даже веселие — в обретенной беззаботности. В тот самый момент, когда молодец решает утопиться в реке с отчаяния, появляется из-за камня Горе. Образ его выразителен до предела: «босо-наго, нет на Горе ни ниточки, еще лычком Горе подпоясано». Оно не обладает ничем, кроме богатырского голоса, и этим богатырским голосом оно наставляет молодца: от Горя не уйти никуда, а следовательно, «не буди в горе кручиноват, а в горе жить — некручинну быть, а кручинну в горе погинути». Молодец покорился Горю и пошел «весел-некручиноват», а сам идучи думу думает: «Когда у меня нет ничего, и тужить мне не о чем». Только запел он веселую напевочку, и сразу обрелись у него доброжелатели.

¹ В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915, стр. 702.

² А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву.

Молодца перевезли за реку, напоили и накормили, дали ему порты крестьянские. Вся эта сцена гениальна по глубокому проникновению в самую суть психологии обездоленного человека.

Демократическая поэзия внесла многое в развитие русской литературы. Ее новые темы, новое отношение к человеку, художественные образы и художественные средства, народное стихосложение косвенно и прямо оказали свое влияние на русскую поэзию XVIII и XIX веков, на сатиры Кантемира, на народную драму XVIII века, которой она была сродни, но главное ее значение — в формировании нового литературного сознания, готового признать самостоятельную ценность литературной художественности, литературу, отделенную и от деловых задач и от задач церковных.

В. П. Адрианова-Перетц
Д. С. Лихачев

ЭПИЧЕСКИЙ СТИХ

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ

КАК ГОРЕ ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОДЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя
от начала века человеческого,
а в начале века сего тленного
сотворил <бог>небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну,
не повелел вкушати плода виноградного
от едемского древа великого.
Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво,
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь божию,
вкусил плоды виноградного
от дивного древа великого.
И за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал бог Адама со Еввою
из святого раю из едемского,
и вселил их на землю на низкую,
благословил их раститися-плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.
Учинил бог заповедь законную,
велел он браком и женитьбам быть
для рождения человеческого
и для любимых детей.

Ино зло плѣмя человѣческо —
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы <к> добру
<у> божливи,
а на безумие обратилися,
и учили жить в суете и в <вражде>
<в вечерней великой>,
а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великие,
попустил на них скорби великие
и срамные позоры немерные,
безживотие злое, сопостатные находы,
злую немерную наготу и босоту,
и бесконечную нищету, и недостатки последние.
Все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Такое рождение человеческое
от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили наказывать,
на добрые дела наставля <ива>ть:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительского,
ты послушай пословицы добрых,
и хитрых, и мудрых:
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очам воли,
не прельщайся, чадо, на добрых красных жен,
<на> отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупые на тя не подумали
да не сняли бы с тебя драгих порт,

не доспели бы тебе позорства и стыда великого
и племени укору и поносу бездельного.
Не ходи, чадо, к костарем и корчемникам,
не знайся, чадо, с <голями> кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми-немудрыми,
не думай украсти-огрabitи
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прельщайся, чадо, на злато и с<е> ребро,
не собирай богатства неправого,
<не> буди послух лжесвидетельству.
А зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и <с> разумными водися,
и с други надежными дружися,
которые бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и не совершен разумом:
своему отцу стыдно покориться,
и матери поклониться,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят другов,
честь его яко река текла.
Друговя к молодцу прибивались —
<в> род-племя причитались.
Еще у молодца был мил н<а> дежен друг,
назвался молодцу названой брат,
прельстил его речми прелестными,
зазвал его на кабацкой двор,
завел его в избу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и кружку поднес пива пьяного,
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе и в веселие и во здравие,
испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладкого.
Хошь и упьешься, братец, допьяна,

ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названного,
я сяду стеречь и досматривать.
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю кружку ишему сладкого,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
сберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
В те поры молодец понадеяся на своего брата
названного,

не хотелось ему друга послушаться,
принимался он за питья за пьяные
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду сладкого,
и пил он, молодец, пиво пьяное.
Упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился,
понадеялся он на брата названного.
Как будет день уже до вечера, а солнце
на западе,

от сна молодец пробуждается,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
ч<и>ры и чулочки все поснимано,
рубашка и портки все слуплено
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белые ноги,
учал молодец наряжаться,
обувал он лапотки-<отопочки>,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лицо свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне бог дал великое,
ясти-кушати стало нечего,
как не стало деньги ни полуденьги,

так не стало ни друга не полдруга,
род и племя отчитаются,
все дружи прочь отпираются».
Стало срамно молодцу появиться
к своему отцу и матери
и к своему роду и племяни
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чужу страну дальну-незнаему,
нашел двор — что град стоит,
изба на дворе — что высок терем,
а в избе идет велик пир почестен,
гости пьют-едят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чудным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молодца люди добрые,
что горазд он крестится,
ведет он все по писанному учению.
Емлють его люди добрые под руки,
посадили его за дубовой стол,
не в большее место не в меньшее —
садят его в место среднее,
где седают дети гостинные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седа все похваляются,
молодец на пиру невесел сedit,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитя
и ничем на пиру не хвалитя.
Говорят молодцу люди добрые:
«Что еси ты, доброй молодец,
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
ни пьешь ты, <не ешь>, ни тешишься,
да ничем ты на пиру не хвалишься?»
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или место тебе не по отчине твоей,
или милые дети тебя избидели,
или глупые люди немудрые

чем тебе, молодцу, насмеялся,
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им сидя доброй молодец:
«Государи вы, люди добрые!
Скажу я вам про свою нужду великую,
про свое послушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питье пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери,
благословение мне от них миновалось,
господь бог на меня разгневался
и на мою бедность вели великие многие скорби
неисцельные

и печали неутешные,
скудость и недостатки и нищета последняя,
укротила скудость мой речистой язык,
иссушила печаль мое лице и белое тело.
Ради того мое сердце невесело,
а белое лице уныливо
и ясные очи замутились,
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрые!
Скажите и научите,
как мне жить на чужей стороне, в чужих людех,
и как залезти мне милых друзей?»
Говорят молодцу люди добрые:
«Добро <й> еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чужей стороне,
покорися <ты> другу и недругу,
поклонися ты стару и молоду,
а чужих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь не сказывай,
не льсти ты меж други и недруги,
не имей ты упадки вилавые,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держися истинны с правдою,
то тебе будет честь и хвала великая.

Первое тебе люди отведают
и учнут тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милые други,
названные братья надежные».
И оттуду пошел, пошел молодец на чужу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великого разума
наживал он живота больше старого,
присмотрил невесту себе по обычаю,
захотелся молодцу жениться.
Срядил молодец честен пир,
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молодцу <учинилося> и по божию
попущению,
а по действу дияволу,
пред любовными своими гостями и други
и названными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвальное,
похвала живет человеку пагуба:
«Наживал-де я, молодец,
живота больше старого».
Подслушало Горе Злочастье хвастане
молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастьем,
не хвастай своим богатством!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
учинися им злочастье великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочасти позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати,
<наги они> во гроб вселились,
от мене накрепко они землю накрывлись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастье на их в могиле осталось.
Еще възгряло я, Горе,

к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусете же жить,
хочу я, Горе, в <людех> жить,
и батогом меня не выгонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках».
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне, молодцу, появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молодцу привиделось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой,
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра <быть> убитому.
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостинное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудется,
да то злое <Горе> Злочаствие останется,
за нагим то Горе не погонится,
да никто к нагому не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молодцу
по-прежнему <явился>,
еще вновь Злочаствие привязалось:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босога безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить, то проториться,
а ты, удал молодец, и так живешь.
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с того свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостинное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.

Стало молодцу срамно появиться своим милым
другом.

Пошел молодец на чужу страну дальну
незнаему.

На дороге пришла ему быстра река,
за рекою <стоят> перевозчики,
а просят у него перевозного,
ино дать молодцу нечего,
не везут молодца безденежно.

Седит молодец день до вечера.

Миновался день до вечер<а ни> до обеднем,
не едал молодец ни полу куска хлеба.

Вставал молодец на скоры ноги,
стоя молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:

«Ахти мне злочастие горинское!

До беды меня, молодца, домыкало,
уморило меня, молодца, смертью голодную.

Уже три дни (молодец) мне были нерадошны,
не едал я, молодец, ни полу куска хлеба.

Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино ешьте, рыбы, мое тело белое!

Ино лутче мне жития сего позорного,
уйду ли я, я у горя (у кручины) злочастного!»

И в тот час у быстры реки

скоча Горе из-за камени:

босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано.

Богатырским голосом воскликано:

«Стой ты, молодец, меня, Горя, не уйдешь
никуды!

Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват,
а в горе жить —

некручинну быть,

а кручинну в горе погинути.

Спамятуй, молодец, житие свое первое,

и как тебе отец говорил,

и как тебе матери наказывала!

О чем тогда ты их не послушал,
не захотел ты им покориться,

постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А кто родителей своих на добро учения
не слушает,

того выучу я, Горе злостное,
не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покаряться».
Говорит Злостие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли!
А нет меня, Горя, мудряя <на> сем свете.

И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя накормят люди добрые».

А что видит молодец неминучую,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли,
пошел-поскочил доброй молодец
по круту по красну по бережку,
по желтому песочнику.

Идет весел-некручиноват,
утешил он Горе Злостие.

А сам идучи думу думает:

«Когда у меня нет ничего,
и тужить мне не о чем».

Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великого крепкого разума:
«Беспечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела:
хорошо ли мое чадо в драгих портах?»

А в драгих портах чаду и цены нет.

Как бы до веку она так пророчила!

Ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату без мастера,
не утешити детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй.

Завечен я у своих родителей,
что мне быти белешеньку,
а что родился головенкою».

Услышали перевошники молодецкую напевочку,
перевезли молодца за быстру реку,
а не взяли у него перевозного,
напоили-накормили люди добрые,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские,
говорят молодцу люди добрые:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
со отцем и матерью,
возьми от них благословение родительское».
И оттуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе напередь зашло,
на чистом поле молодца встретило,
учало над молодцом гратьи,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное,
привязался!»
Хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие-умильные.
А кто в семью к нам примешается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинься во птицы воздушные,
хотя в синее море ты пойдешь рыбую,
а я с тобою пойду под руку под правую».
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним с борзыми выжлецы.
Молодец стал в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою,

да еще Злочастие над молодцом насмехался:
«Быть тебе, травонька, посеченой,
лежать тебе, травонька, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной».
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с частыми неводами.
Еще Горе злочастное насмеялся:
«Быти тебе, рыбоньке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию».
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молодца богато жить, убити
и ограбить,
чтобы молодца за то повесили
или с камнем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастырь пошел
постригаться,
а Горе у святых ворот остается,
к молодцу впредь не привяжется.
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечныя муки,
а дай нам, господи, светлы рай,
во веки веков аминь.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

Во граде Киеве бысть при старосте,
при великом князе Мономахе Владимировиче,
был богатырь стар добре,
больше ему девяноста лет.
Да охочь был до потехи кречатные
не покинул он потехи и до старости.
Лучилось ему выехать с красным кречетом
на праздник на усекновение
честных главы Ивана Предотечи.
И не доезжаячи быст<р>а Непра Слаутича,
наехал на малой заводи многие лебеди.
И богатырь тому учал дивитися:
«На той на малой заводи
не наезживал я ни гусей, ни утят,
ан нынеча вижу многие лебеди,
а все то недаром.
Поеду-поеду, посмотрю быстра Непра Слаутича».
И приезжает Сухан ко быстрю Непру Слаутичу,
а уж Непр-река смешалась с желты пески.
И Сухан стал, задумался.
Ажно по заречью ездит человек,
а волочит за собою копьё с прапором
да вопит громко голосом:
«Ой еси, Сухан Дамантьевич!
Ты славен в Киеве велик богатырь,
а по ся мест не ведаешь,
уж тому девятой день,
как перевозится через быстрой Непр

царь Азбук Товруевич,
а с ним 70 царевичей,
а со всяким царевичем
по семидесяти по две тысячи.
В правой руке и в левой
и в сторожевом полку не успел сметить.
Добре с ним людей много, без числа.
И наши прародители тем царем служивали,
и царские приходы весно чинили,
и вам, богатырем, в Киеве было ведомо».
Да молвил слово и поехал прочь.
И Сухан стал, закручинился,
и мечет кречета с руки далече,
и рукавицу о землю бросает.
Не до потехи стало Сухану кречатные,
стало до дела государева:
«По грехом есми запросто выехал,
саадака и сабли нет на мне
и ни <ка> кого ратного оружия.
Поехать мне к Киеву для ратного оружия —
и богатырей в Киеве умножилось,
и в правости своей под старость
не прослыть сиротиною».
И поехал Сухан ко дуброве зеленой,
и наехал сыр-зелен падубок,
да вырвал его и с кореньем,
да едет с ним не очищаючи.
И как выезжает из дубровы зеленые,
а не белое каменье на горах белеются,
белеются доспехи их во всех полках.
А никак богатырю людей сметить.
Учал богатырь богу молиться:
«О царице богородице!
Утоли стремление безумное,
смири сердце нечестивое.
Похваляся бусурман и горд пошел
пленить землю Рускую,
разорить веру крестьянскую,
разрушить место церкви божии,
осквернить место чудотворное.
О царице богородице!
По грехом есми запросто выехал,

саадака и сабли нет на мне
никакого ратного ору<ж>ия.
Только у меня сыр-зелен падубок,
и того мне очистить нечем».
Учал богатырь плакати
и горячи слезы ронить.
Загаркал, напустил на них.
Свищет падубок в руке богатырской,
ломаются древа копейные,
щепляются щиты татарские,
валяются шоломы их с головами

та<та>рскими.

И учили татаровя острог ставить,
одернулись телегами ординскими.
А говорит Сухан Дамантьевич:
«Которые татаровя на Руси не бывали,
те про Сухана не ведают,
и они у товарищев своих слыхали в ордах

смолода.

А ныне, а ныне со мною
они без городу не умеют битися».
Кольнул Сухан под собою коня
острогами булатными,
конь его скочил через телеги ордынские,
стал среди острогу татарского.
И Сухан бьет татар падубком
на все четыре стороны.
Куды Сухан ни оборотится,
тут татар костры лежат.
Тех татар всех побил.

Да едет Сухан ко быст<р>у Непру Слаутичу
на берег,

да вопит громко голосом:
«Царь Азбук Товруевич!
Вели меня подождати малехонько,
яз тебе из Киева вывезу поминки многие
от царя и великого князя Владимира,
и всем твоим князьям и татаровям,
и мурзам и улановям без выбору.
По грехом есми запросто выехал,
у падубка коренье обломалося,
одно лишь осталось обломчишко».

Да молвил слово,
поплыл за быстрой Непр.
Царь Азбук, видя свою неминуемую,
убить богатыря нечим,
велел зарядить три порока,
а в пороке по рогатине.
И скоро мечутся к оврагу глубокому,
и зарядили борзо три порока,
а в пороке по рогатине.
И Сухан переплыл через быстрой Непр,
не переехал скоро с обломчишкой на берег.
И татаровя ис по <ро>ка стрелили да грешили,
из другого стрелили — грешили,
из третьего ст <р>елили —
убили богатыря против сердца богатырского,
отрезали коренье сердечное.
И богатырь забыл рану смертную,
загаркал, напустил
да и тех побил всех татар.
И богатырь узнал рану смертную,
учал борзо спешить ко граду. . .

(в рукописи большой пропуск)

узрел на Сухане рану смертную
и послал по лекари многие,
и у Софеи велел молебны петь
за Суханово здоровье.
И учал государь Сухана жаловать
своим жалованным словом:
«Сколько тебе, Суханушко, городов и вотчин
надобе,
тем тебя пожалую за твою великую службу».
И Сухан государю бьет челом:
«Дошло, государь, ни до городов, ни до вотчин.
Дай, государь, холопу жалованное слово и прощенье».
Последнее молвил слово
и в том часу и умолкнул.
Не злата труба вострубила,
восплакала мать Суханова:
«Хотя тебя, Суханушко, звали бражником
и охочь был пропиватися,
а ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил.

Не о том я плачу, что вижу тебя смертного,
плачу я о твоём дородстве во истинной храбрости,
что еси дорос человечества,
умер на службе государеве».

И отнесла его в пещеру каменну:

«Тут тебе, Суханушко, смертной живот вовеки!»

**СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЕХ,
КАК ХОДИЛИ ВО ЦАРЬГРАД И КАК ПОБИЛИ
ЦАРЕГРАДСКИХ БОГАТЫРЕЙ, УЧИНИЛИ СЕБЕ ЧЕСТЬ**

Во стольном славнем граде Кieve
говорит князь Владимир Всеславич киевской
своим богатырем Илье Муромцу с товарищи:

«Или то вам не сведомо, богатырем,
что отпускает на меня царь Костянтин
из Царяград 42 богатырей,
а велит им Киев изгубити.

И вы б нынеча никуды не розъезжались,
берегли бы естя града Кieва
и всее моей вотчины».

Бьют челом 7 богатырей:

«Государь князь Владимир киевской Всеслаевич!

Отпусти нас в чистое поле,

мы тебе, государю, прямые вести отведем

и приведем тебе, государю, языка доброго,

тебе, государю, славу великую учиним

и себя, государь, в честь введем

и всему твоему государству похвалу великую

учиним

и многие орды острастим».

А вз<гов>орят богатыри таково слово:

«Государь князь Владимир киевской!

Сторожем мы в земле не извадились жить,

не доведется нам сторожами слыть».

Имена богатырем: 1 богатырь Илья Мур<ом>ец сын Иванович, 2 богатырь Добрыня Никитичин, 3 богатырь дворянин Залешанин — серая свита, злаченные пугвицы, 4 богатырь Олеша Попович, 5 богатырь щата Елизынич, 6 богатырь Сухан Доментьянович, 7 богатырь Белая Палица —

красным золотом украшена,
чечьим жемчугом унизана,
посреде тоей палицы камень —
самоцветной пламень.

Да говорят богатыри таково слово:
«Государь князь Владимир киевской Всеслаевич!
Не извадились мы сторожем стеретчи,
только мы извадились в чистом поле ездити,
побивать полки татарские.

Отпусти нас, государь, в чистое поле,
мы тебе, государю, прямые вести отведем
или тебе приведем языка доброго».

Взговорит князь Владимир киевской:
«Ой естя богатыри Илья Муромец с товарищи!
Не пригож вам в те поры прочь отъехати,
а меня вам, государя, покинути одного в Киеве.
А яз жду тех богатырей с часу на час борзо к Киеву.
Пригоже вам моя вотчины поберетчи».

Тут богатыри закручинилися.
Идут к своим добрым коням, ударя челом великому
князю Владимиру Всеслаевичу,
учали на них класти седла черкаские,
подтягивают подпруги шелку белого,
у всех пряжи булатные,
красного булату перепускного.

Да кладут на себя доспехи крепкие,
емлют с собою палицы булатные,
того булату перепускного,
и <всю> свою здбрую богатырскую.
И всед на кони, прочь поехали из Киева,
заложили копя булатные вострые,
поехали в чистое поле.

Едут по чистому полю,
взговорят промеж собою таково пословицу:
«Лутче бы мы тое срамоты великие не слыхали,
нежели мы от князя в очи такое слово слышали;

хотя б мы людей не дородились,
да были бы мы богатыри не добрые,
и нас бы в Киеве сторожи стеретчи
не заставляли».

Говорит Илья Муромец своим товарищем:
«Государи е<ст>я мои товарищи!
Чем тех богатырей на себя ждати к Киеву,
мы поедем встречу к ним и там с ними свидимся.
А сказывают, что удалы добре, не по обычаю,
мы станем богу молитися, чтобы нам бог помощь
послал на цареградских богатырей».

А прямо идут ко Царюграду.

Как будут 12 поприщ до града, переезжаючи Смугрю-
реку, ажно има навстречу идут 12 человек цареградских
богатырей, а на них платье калицкое.

Приехал к ним Олеша Попович
Да говорит им таково слово:
«Братия вы милая, калики перехожие,
дайте вы нам свое платье каличное,
а у нас возьмите наше платье светлое».

Говорит калика таково слово:
«Ой еси Алеша Попович!
Али меня не знаешь или имени моего не ведаешь,
как меня зовут?»

Зовут меня по имени Никита Иванович,
родом есми карачевец».

А на каликах гуни голуба скорлату,
а тер<ли>ки на них камки венецкие,
а палицы у них вязовые,
с конца в конец свинцу налиту,
а Никиты палица вся золотая.

Приехал к ним Илья Муромец
да говорит им таково слово:
«За то нам, Никита, бранитися не о чем,
а вам стоять не за что;
вот вам платье светлое,
дайте нам свое платье калицкое!»

Взговорит Никита таково слово:
«За то нам, государь Илья Муромец,
стоять не за что и спору чинить не о чем».
Дают <с> себя платье калицкое,
они дают с себя платье светлое.

Взговорит Добрыня Никитич таково слово:
«Почто вы, Никита, ходили во Царьгород?»

Говорит Никита таково слово:

«Государь Добрыня Никитич!

Ходили мы прямых вестей отведывать,
есть ли столько цареградских богатырей,
итти ли им в Киев город?»

И вести прямые неизменные:

при царе богатыри похваляются,

хотят Киев город на шити взяти

и великого князя с великою княгинею в полон

вести,

а удалых богатырей, станных людей,

под меч всех приклонити,

а злато и сребро покати́м телегами».

Говорит в те поры Илья Муромец:

«Слышите ли, мои товарищи?»

За то хочу голову сложить —

за государеву чашу и молитвы

и за его хлеб-соль великую».

Оставляают свои добрые кони на Смугре-реке

и все свои сряды богатырские,

по одной емлют себе по булатной палицы

красного булату перепускного

и тые несут под гунями скурлатными.

Да говорят меж собою пословицу:

«Бога ради, богатыри, будьте к татарским речем

стерпивы».

Говорит дворянин Залешанин:

«Всех у нас пуще Олеша Попович,

что он де пьян или не пьян,

изо всех нас охоть браниться,

тот у нас богатырь кручиноват».

Пошли богатыри во Царьгород,

а в те поры у царя стол,

а в столе подают <третью еству>.

Пришли богатыри на царев двор

и стали на земле перед красным окном,

и учили просити милостины

противу окна громким голосом.

Каличные слышат гласы —

сказали самому царю.

И слыша царь Косьтянтин гласы кáличнѣѣ,
да говорит Тугарину Змиевичу:
«Вели позвать калик тех,
по речам <кабы> Русь пришла,
по <пытай> их о вестях о киевских,
что буде они ведают».
Позвали калик ко царю,
царь учал калик спрашивать:
«Скажите вы, калики перехожие!
<из которого града ходите?>»
Учал Илья Муромец говорити:
«Ходим мы, государь, от великого князя
Владимера Всеслаевича киевского».
Против царя сид<и>т Идол Скоропеевич
богатырь,
а ростом добре не по обычаю,
меж очима у него стрела ладится,
меж плечми у него большая сажень,
очи у него как чаши,
а голова у него как пивной котел.
Посмотрить на него — устрашиться.
Говорит царю Костянтину тако <во> слово:
«Государь царь! Вольно человек попытати
о вестях — о киевских богатырех, сколько у великого
князя Владимера богатырей
и каковы они ростом, прытостью».
Царь учал калик спрашивать:
«Скажите вы, калики перехожие,
про киевских богатыри».
Говорит Илья Муромец сын Иванович:
«В Киеве, государь, 32 богатыря,
да удалы не по обычаю».
Говорит Идол-богатырь:
«Есть ли у вас славной богатырь Илья Муромец,
каков он рожаем и каков велик ростом?
Посмотрить де на него — устрашиться?
И вы посмотрите нашим богатырем».
Говорит Илья Муромец:
«И ты, государь, смотри на меня».
Взговорит богатырь Идол Скоропеевич:
«Царь государь Костянтин,
не мешкай, государь, службою багатырскою!

Отпущай, государь, нас на Русь борзо к Киеву,
к князю Владимиру.

И будет то <ль>ко то <слово> не сол <ган>о,
что в Киеве возговорят удалы богатыри,
и мы тебе, государю, приведем
князя Владимира с великою княинею. . .

<Богаты>рем и удалым молодцом
под меч подклонитым.

И всем в Киеве учиним сечу великую,
а золото и серебро покатым телегами.

Тебе, государю, прибыль и славу добрую во вся орды,
а себя в честь введем».

Взяла кручина молода Олешу Поповича,
да говорит Олеша Попович таково слово:
«Коли вы, богатыри, приедите к Киеву,
тогда не узнаете дороги, куды вам бежати.

А станете <мо>лодцев киевских
и учинете сечь великую,
а покатыся головы татарские,
а прольется кровь горячая богатырей,
цареградских богатырей.

Не пять у нас человек в Киеве,
есть близко десятка человек!»

Идол на него розкручинился.

Говорит дворянин Залешанин:

«С твоего, государь, меду опился».

Говорит дворянин Залешанин Олеше Поповичу:

«Уйми свое сердце богатырское,
немошно нам тебя нажурить, ни наговорить».

Говорит Олеша Попович:

«А он наших богатырей ни во что ставит,
и великого князя хулит,
и Илье посмешается».

И Idol на него розкручинился.

Говорит дворянин Залешанин:

«Из ума, государь, он выпивается».

Говорит Idol-богатырь:

«Скажите, калики, про киевских богатырей,
и каковы у них лошади удал <ы>?»

И с ним говорит дворянин Залешанин:

«По вся дни, государь, ведаем
и лошади богатырские знаем».

Говорит Идол-богатырь:

«Царь государь, вольно человек после разспрошать.
Вели, государь, показать им свои лошади царские».

Царь велел вывести свои лошади царские.

Говорят калики перехожие:

«Лутче тех шкап в Киеве и простые лошади,
а на богатырские лошади пристрашно посмотреть!»

Говорит Идол-богатырь:

«Вели, царь государь, показать им наши лошади бога-
тырские». Царь велел вывести лошади богатырские.

Ведут лошади богатырские —

1-ю лошадь ведут Идола богатыря Скоропеевича на
12 чепях на золотых, 2-ю ведут лошадь молода Тугарина
Змеевича на 11 чепях сребренных, за теми ведут сорока
дву богатырей.

А все те кони удалы добре не по обычаю,
каликам полюбидся.

Издапча калики увидели,
что добры не по обычаю.

Говорит дворянин Залешанин:

«Сверху, государь, не мотчи сметить и усмотрить,
и как, государь, сметим, и мы тебе, государю, скажем про
наших богатырей и про коней и их храбрость окажем».
И царь повелел им вытти.

Пошли калики вон от царя лошадей смотреть.

И как будут посреди двора царева и лошадей,
взговорили богатыри промеж собою такову

пословицу:

«Смотрите, государи товарищи, коней,
да высматривайте гораздо,
было б нам что про наших коней царю сказать».

«Да уж ли калики высмотрили?»

Взговорят калики:

«Теперь, государь, высмотрили».

Взговорит Илья Муромец своим товарищем:

«Теперво нам, братцы, строка пришла,
отимайте лошади богатырские,
убейте татар без милости,
садитесь на кони без седел,
на кони богатырские на добрые».

Пришли богатыри к конем.

Не птички соловьи рано в дуброве просвистали,

свиснули-гаркнули богатыри богатырским голосом,
да свиснули палицы булатные
у Ильи Муромца с товарищи,
послетали головы татарские.
Отняли себе по добру коню
и, всед на кони, прочь из града поехали
до Смугры-реки.

Добрых коней един у царя остался на дворе,
и тот Олеше Поповичу.

Воротился Алеша пеш во Царьгород,
а коня покинул на Смугре-реке.

Да говорит Алеша Попович
царю Костянтину таково слово:

«Потому мы, царь, у тебя лошади не все емлем,
что хотим

мы с твоими богатыри в чистом поле свидетися
и их прытость увидети.

И будем мы опять с твоими богатыри во Цареграде».

И изговоря Олеша, поехали богатыри к Смугре-реке.

Да кладут на себя доспехи крепкие

и всю збрую богатырскую,

емлют с собою палицы булатные и копыя вострые.

Ажно скачут из Царяграда богатыри

с великою поганою силою татарскою.

Говорит Олеша Попович:

«Государи мои товарищи! Потерпите малехонько,
дайте мне поправить свое сердце богатырское.

Богатырское сердце нестерпчиво,

хочет и последнюю орду побити, похвалу доспети!»

Свиснул-крикнул богатырским голосом:

«Потерпи <те> малехонько,

дайте мне теперво с ними одному поправиться,

хочу себе похвалу доспети,

чтоб у <ви> дял царь Костянтин и дошла б наша

похвала до князя Владимирера».

И как съезжаются с злыми полки татарскими,

и с сороки дву богатыри цареградскими,

свиснули-крикнули богатыри богатырским голосом,

от свисту и от крику лес розстиляется,

трава постиляется,

добрые кони на окарашки падают,

худые кони и живы не бывали.

Не пти <чки> соловьи в дуброве просвистали,
свиснули-гаркнули русские богатыри,
Илья Муромец с товарищи.

Говорит царьградской богатырь Идол Скоропеевич:
«Государь мои товарищи!

Сердце ся у меня ужаснуло, трепещется,
и голова вкруг обходит,

и очима немощно на свет глядеть.

Большое нам быти побитым всем!»

Взговорит Тугарин Змеевич:

«Большое нам, товарищи, коли б смерти минутись,
ли ся храбрость наша преложится на тихость.

Не мощно руки поднять,

скоро нас страсть взяла —

большо Илья Муромец сам пришел!»

Напустил Илья Муромец встречу цареградским бога-
тырем от своих товарищев в полуверсте, и все товарищи
скоро поехали за ним.

И ударилися крепко на копьа булатные,

и учили ся твердо бить и неподвижно.

Колды копьа у них булатные приломилися и доспехи
крепкие.

Сбил Илья Муромец с добра коня Идола Скоропеевича,
а Тугарина руками взял.

А обеих богатырей, Идола и Тугарина, живых взяли,

и всю силу татарскую побили,

и тех сорока богатырей побили,

а Идола-богатыря и Тугарина-богатыря живых ведут

их во Царьгород. И ставятся перед царевою полатою.

Говорит Илья Муромец <с>своим <и> товарищи

таково слово:

«Тебе, царю, ведомо <ли> было,

что твоих 42 богатырей побили

и всю силу татарскую поганую побили,

а твоих лутчих богатырей,

Идола Скоропеевича да Тугарина Змеевича, живых

взяли?»

Да потому, царю, тебя ничем не двигнули,

ни крянули ни черным волосом,

что ездим мы без государского ведома.

А похвалу есми видели твоих богатырей:

похвала мужу — великая пагуба!

А татар всех побили,
тем на Руси не бывати.
Только, царю, теперво тебе челом бьем Идолом-
богатырем,

чтоб ты на нас не кручинился,
а Тугарина тебе, государю, не дадим,
отвезем великому князю,
с чем нам ко князю Владимиру явитися».

И дают богатыри царю Идола,
а Тугарина с собою емлют.

Не белая лебедь воскликала,
восплакалася мати Тугарина Змеевича
и бьет челом благоверной царице Елене:
«Государыни благоверная царицы Елена!
Упрошай ты, государыни, у русских богатырей
молода Тугарина Змеевича!»

Говорит благоверная царицы:

«Государя естя русские богатыри,
Илья Муромец с товарищи!

Таких грозных богатырей не бывало в Цареграде,
не побивали наших цареградских богатырей!

Не уведите для моих слез
младого Тугарина Змеевича!»

Говорит Илья Муромец с товарищи:

«Государыня благоверная царицы Елена!

За то тебе говорим, государыни,
не двигнем Тугарина ничем

для государского твоего слова:

будет Тугарин в Киеве,

потом тебе будет во Цареграде жив.

А нельзе нам отдати богатыря ц<a>реградского,
нечём нам в Киеве похвалитися,

что нам сказать князю Владимиру Всеслаевичу!»

Били челом государыни, прочь поехали.

Ведут с собою языка доброго, Тугарина Змеевича.

Едут по полю по чистому

и выбирают от себя богатыря дворянина Залешанина:

«Поедь ты, дворянин Залешанин,

к стольному граду Киеву:

ты жилец двора государева,

много живешь во дворе государеве

и всякой чин ведаешь.

Обошли нас государю князю Владимиру Всеслаевичу,
велит ли нам он свои государские очи видети:
«„А грубили есмя твоему недругу
царю Костянтину благоверному,
убили есмя у него со 42 богатырей,
а с ними татар люди многие,
да одного богатыря оставили во Цареграде,
другого тебе ведем“».

Приезжал дворянин Залешанин граду к Киеву,
и пошел к великому князю Владимиру Всеслаевичу,
и справил речи от своих товарищев, что ему наказано.
Приехали богатыри к государю Владимиру
Всеслаевичу,

привели языка доброго Тугарина Змеевича,
цареградского богатыря.

Князь великий Владимир Всеслаевич
почал богатырей жаловать,
дает им шубы поласамиты
и чепи великие златые,
и сверх того казною несметно.

Да говорит князь Владимир Всеслаевич:
«Да впредь вас, богатыри, рад жаловать
за вашу выслугу великую
и за службу богатырскую!

А ныне емлите себе, что вам надобел!»

И учал князь Владимир Всеслаевич
молода Тугарина Змеевича спрашивать о вестях.
Зговорит Тугарин:

«Что меня, государь, о вестях спрашиваешь?

Князь Владимир Всеслаевич!

У тебя, государя, вотчины не во всех ордах,
а богатырей твоих удалее нет и во всех землях».

И как будет князь Владимир навесело,
и учили потешатися.

И бьет челом Илья Муромец с своим товарищи:

«Государь князь Владимир Всеслаевич!

Умилосердися, пожалуй нас, холопей своих!

Говорила нам царицы Елена и била челом,
чтоб мы заложили слово тебе, государю, о молодежи

Тугарине,
чтоб ты пожаловал отпустил его во Царьгород.

И молвили есмя царице Елене,

чтоб нам упрошать у тебя, государя,
молода Тугарина Змеевича во Царьгород.
А мы тебе, государю, ради впредь служить,
елико сила может!»

Князь Владимир Всеслаевич пожаловал,
отдал им молода Тугарина Змеевича,
цареградского богатыря.

Говорит князь Владимир Всеслаевич:

«Ой естя, мои князи и богатыри!

Цареградских богатырей было 42,

а с сими было татар людей много —

не рать ли в поле была,

а моих богатырей только 7 было».

Били ему челом богатыри,

взяли молода Тугарина Змеевича

и всклали на себя всю збрую богатырскую,

поехали во чисто поле.

И как будут на рубеже,

отпускают во Царьград молода Тугарина

и учили заклинать, чтоб им на Русь не бывать век

по веку.

Да отпустили с радостью великою и простилися и сами
поехали в чистое поле.

Богатырское слово. Во веки аминь.

* * *

Зрадовалоя царство Московское
и вся земля святорусская:
умолил государь православной царь,
князь великий Михайло Федорович.
А что скажут, въехал батюшко
государь Филарет Микитич
из неверной земли из Литовской,
с собою он вывез много князей-бояр,
еще он вывез государева боярина
князя Михайла Борисовича Шеина.
Съезжались многие князи-бояря,
<князи-бояря> и многие власти
ко сильному царству Московскому,
хотят встречать Филарета Микитича.
Из славного града каменной Москве
не красное солнце катилося,
пошел государь православной царь
встречати своего батюшка,
государя Филарета Микитича.
С государем пошел его дядюшка
Иван Микитич боярин:
«Дай споди, здоров был
государь мой батюшко,
а батюшко государь Филарет Никитич!»
А как будут оне в каменной Москве,
не пошли оне в хоромы в царские,
а пошли оне к Пречистой соборной
а пети честных молебенов.
Благословлял своего чада милого:

«И дай господи, здоров был православной царь,
князь великий Михайл Федорович,
а ему здержати царство Московское
и вся земля святорусская!»

* * *

А не сильная туча затучилася,
а не сильные громы грянули:
куде едет собака Крымской царь,
а ко сильному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
а назад мы пойдем, Рязань возьмем».
А как будут они <у> Оки-реки,
а тут они станут белы шатры роставливать:
«А думайте вы думу с цела ума,
кому у нас сидеть в каменной Москве,
а кому у нас в Володимере,
а кому у нас сидеть в Суздале,
а кому у нас держать Рязань старая,
а кому у нас в Звенигороде,
а кому у нас сидеть в Новегороде?»
Выходит Диви-Мурзы сын Уланович:
«А еси государь наш Крымской царь!
А тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,
а сыну твоему в Володимере,
а племяннику твоему в Суздале,
а сродичу в Звенигороде,
а боярину конюшему держать Рязань старая,
а меня, государь, пожалуй Новым-городом,
у меня лежат там свет-добры-дни батюшка,
Диви-Мурза сын Уланович».
Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака Крымской царь!
то ли тебе царство не сведомо?»

А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
опришенно трех святителей,
еще есть на Москве православной царь!»
Побежал еси собака Крымской царь
не путем еси не дорогою,
не по знамени не по черному!

* * *

Сплачется мала птичка, белая пелепелка:

«Ох-ти мне, молоды, горевати,
хотят сырой дуб зажигати,
мое гнездышко разорити,
мои малые дети побити,
меня, пелепелку, поимати».

Сплачется на Москве царевна:

«Ох-ти мне, молоды, горевати,
что едет к Москве изменник,
ино Гриша Отрепьев Рострига,
что хочет меня полонити,
а полонив меня, хочет постритчи,
чернеческой чин наложити!

Ино мне постритчися не хочет,
чернеческого чину не здержати:
отворити будет темна келья,
на добрых молодцов посмотри.
Ино ох милые наши переходы!

А кому будет по вас да ходити
после царского нашего житья
и после Бориса Годунова?»

Ах милые наши теремы,
а кому будет в вас да седети,
после царского нашего жития
и после Бориса Годунова?»

* * *

А сплachtetся на Москве царевна
Борисова дочь Годунова:
«Ино боже, спас милосердой!
За что наше царство загибло,
за батюшково ли согрешенье,
за матушкино ли немоленье?
А светы вы наши высокие хоромы,
кому вами будет владети
после нашего царского житья?
А светы браные убрусы,
береза ли вами крутити?
А светы золоты ширинки,
лесы ли вами дарити?
А светы яхонты-сережки,
на сучье ли вас задевати
после царского нашего житья,
после батюшкова преставленья
а света Бориса Годунова?
А что едет к Москве Рострига
да хочет теремы ломати,
меня хочет, царевну, поимати,
а на Устюжну на Железную отослати,
меня хочет, царевну, постритчи,
а в решетчатой сад засадити.
Ино ох-те мне горевати,
как мне в темну келью ступити,
у игуменьи благословиться?»

* * *

Ино что у нас в Москве учинилося:
с полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила».
А съезжались князи-бояря супротивно к ним,
Мьстиславской князь, Воротынской,
и между собою они слово говорили,
а говорили слово, усмехнулись:
«Высоко сокол поднялся
и о сыру матеру землю ушибся».
А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
Побежали немцы в Нов-город,
и в Нове-городе заперлися,
и многой мир-народ погубили,
и в латынскую землю превратили.

* * *

Ты боже мой, боже, спас милостивой,
владыко царю вседержителю!
За что на нас господь бог прогневался?
Как спустил на нас велик тяжкой грех,
вора Гришку Ростригу Отрепьева.

Прельстил он, вор, собака, три земли:
первого прельстил короля в Литве,
другого прельстил — землю Польскую,
третье — сильно царство Московское.
Не успел вор-собака на царство сесть,
поизволил вор-собака жениться.

Не у князя он берет, не у боярина,
не у нас он берет в каменной Москве,
берет вор-собака в проклятой Литве,
проклятой Литве, у Юрья пана

<Сендомирского>,

берет он Маринку дочь Юрьеву.

А свадьба была в вешней праздник,
Миколин день был в пятницу,
а у Гришки свадьба в четверток была.

Стали благовестить к заутрене
у святого Михайла архангела,
где кладутся цари благоверные,
благоверные, благочестивые.

Бояра пошли ко заутрене,
ко святому Михайлу архангелу,
а Гришка Рострига в баню пошел
с своею Маринкою дочь Юрьевой,
Бояра идут от заутрени,

а Гришка Рострига из бани идет,
шуба на нем соболиная,
на Маринке саян красного золота.
Входит на крылечко на красное,
вскричит он взвопит громким голосом:
«Есть ли у меня пушкари?»
Свезите снаряд пушки за город,
за те ли ворота серпуховские.
Завтре у меня пир будет
для ради тестя любимого».
Как пошел на крылечко на заднее,
скричит он возвопил громким голосом:
«Есть ли у меня повары,
мои батюшковы приспешнички?»
Варите вы яству скоромную и постную,
скоромную еству — гуси, лебеди,
а постную еству — рыбу белую.
Завтре у меня пир будет
ради тестя любимого,
про Юрья пана <Сендомирского>».
Скоромную еству сам кушает,
а постну еству раздачей даёт,
а местные иконы под себя стелет,
а чудны кресты под пяты кладет.
И тут же бояра домышлялися,
и думны дьяки догадалися,
бросалися-кидалися в Девичей монастырь
ко иноке к Марфе Ивановне:
«Ты свет наша матушка
инока Марфа Ивановна!
Прямой ли царь на царстве сидит,
твое дитя рожденное,
что Дмитри царевич Углицкой?»
Только делает не по-царскому,
скоромную еству сам кушает,
а постную еству в раздачи даёт,
а местные иконы под себя стелет,
а чудны кресты под пяты кладёт».
Что зговорит наша матушка
инока Марфа Ивановна:
«Вы глупы бояря неразумные!
Вестимо богу <и> всей земли,

что потерял князь Дмитрий на Угличе,
его мощи лежат в каменной Москве
у святого Михаила архангела,
где кладутся цари благоверные,
благоверные, благочестивые».
Что зговорит наша матушка
что инока Марфа Ивановна:
«Приезжает с угрозою,
привозит наголо саблю вострую,
велит называти своим сыном,
князем Дмитрием царевичем Углицким».
И тут же бояря догадалися,
и думные дьяки домышлялися,
выбирали себе дьяка думного,
того ли Петрушку Басманикова,
посылают в полаты во царские,
велят говорить не с упадкою:
«Помнишь ли, Гришка, спамятуешь ли,
вместе мы грамоте с тобой училися
во том монастыре во Чудове?
Ты был, Гришка, черным дьяконом,
а я был на крылосе псаломщиком».
Видит же Гришка неминучую,
пошел в полаты во набережны,
из набережных на житной <ряд>,
где он упал и сам пропал,
отныне и проклят до веку.

Конец

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ

«. . . И над сильными <мо>гучими богатыри,
лишь не шути над Тугарином Змиевичем:
Тугарин Змеевич усердия добрая,
не любит шутки тоя чежелыя».

Что взговорит млад Алеша Попович:
«Государь ты ласков князь Владимир киевской!
Али ты, государь, с княгинею не в любви живешь,
что промеж вас болван сидит нетесоной?»

Что взговорит чашник фрязин Матвей Петрович:
«Ой еси ты, млад Алеша Попович!
Не шути ты шуткою несвойскою
над Тугарином Змеевичем:
Тугари<н> Змеевич усердия доброго,
не любит шутки тяжелыя».

Что взговорит чашнику млад Алеша Попович:
«Ой еси ты фрязин, Матвей Петрович!
не печалуйся ты об Олеше Поповиче,
печалуйся о Тугарине Змеевиче,
а за меня печалуется спас и пречистая богородица».

И приходит день к вечеру,
а уже идет пир на вечере,
подадут еству девятую лебедь белую.
И как будет пир навеселе,
учали князи и бояре напиватися
и сильные могучие богатыри похвалятися.
Что взговорит ласков князь Владимир киев<ской>:
«Есть ли мой чашник фрязин Матвей Петрович!

Налей чару в полпята ведра меду сладкого
за Тугарина Змеевича здравие».

И подносит великий ласков князь Владимир
киевской

меду сладкого Тугарину Змеевичу
чару в полпята ведра,

и он ее выпивает одитным духом досуха.

После того подносили ту же чару меду сладкого
младу Алеше Поповичу,

и Олеша Попович, прикушав, подает Торопу,
слуге своему паробку,

а сам говорит таково слово:

«Ой еси ты, Тороп, слуга паробок!

Прими чару меду сладкого в полпята ведра,

сам пей и подле себя подчивай

князей и бояр и свою братью,

сильных могучих богатырей.

Не будь ты обжирчив в Тугарина Змеевича:

у нас была, у батюшка моего

у Федора, попа соборного,

корова обжерчива —

шотчи на поварню, да барды опилась...»

**ПОВЕСТЬ О КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ КИЕВСКОМ,
И О БОГАТЫРЯХ КИЕВСКИХ,
И О МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ,
И ЦАРЕ КАЩЕЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

В славном граде Киеве
у великого князя Владимира киевского Всеславьевича
было пируванье великое
на многие князи-бояры и сильные могучие богатыри.
Как будет у них пир навеселе,
что зговорит великий князь Владимир киевский:
«Ой еси князи и бояры и сильные и могучие богатыри!
Есть ли кто у меня служить три службы великие:
кто бы ехал в землю Турскую,
взял бы дани и выходы,
кто бы ехал в землю Задонскую,
взял бы дани и выходы,
кто бы ехал в землю Алевитскую,
взял бы дани и выходы за тридцать лет и за три годы?»
Воставал из места славной богатырь Илья Муромец,
а сам зговорит таково слово:
«Свет государь великий князь Владимир киевский,
и князи и бояры, и сильные могучие богатыри!
Что никто ответу не даст?
Большой за меньшего, а у меньших ответу нет».
Сам зговорит слово похваляючись:
«Свет государь великий князь Владимир киевский!
Я поеду в землю Турскую, возьму дани и выходы».
Что зговорит Михайла Поток Иванович:
«Свет государь великий князь Владимир киевский!

Я поеду в землю Задонскую, возьму дани и выходы». Что зговорит Алеша Попович:
«Свет государь великий князь Владимир киевский!
Я поеду в землю Алевитскую,
возьму дани и выходы за тридцать лет и за три годы». И те речи великому князю полюбилися,
подносит им чары зелена вина,
и запивают меды сладкими,
и с великим князем прощаются.
И называются братьями названными,
и садятся на свои добры кони,
и едут из града Киева.
И меж собою таково слово молвили:
«Братцы милые, кто у нас наперед приедет до Киева,
а кого не будет опосле,
и нам ехать того сыскивать». А сами поехали нарозно, всяк своим путем.
Михаил Поток Иванович поехал возле моря синего,
ажно по морю плавает лебедь белая.
И Михаил вымает из налучи свой крепкой лук и из
колчана калену стрелу,
и хочет убить лебедь белую.
И она ему провещится человеческим голосом:
«Свет государь Михайла Поток Иванович,
не стреляй меня, лебеди белыя,
я по морю плаваю лебедью,
а перед тобою стану красною девицею». И Михайла не успел в налучь положить крепка лука и
в колчан калены стрелы,
ажно перед ним стала красною девицею.
И Михайлу она полюбилася,
и берет ее Михайла за руки белые,
и целует во уста сахарные,
и сажает на свой доброй конь,
и взял дани и выходы,
и едет ко граду Киеву,
а белую лебедь с собой же взял.
И приехал до Киева,
становится на свой богатырской двор
и идет ко князю Владимиру,
а сам зговорит таково слово:
«Свет государь великий князь Владимир киевский!

От меня тебе служба заслужена,
привез дани и выходы наскоре».

Что зговорит князь Владимир киевский:

«Свет Михайло Поток Иванович!

Тебе у меня за службу золота казна не запечатана
и кони на стойле не заперты».

И Михайла бьет челом о сыру землю.

И подносит ему чары зелена вина,

и запивают меды сладкими.

И Михайла зговорит таково <слово>:

«Свет великий князь Владимир киевский!

Ехал я возле моря синего,

ажно по морю плавает лебедь белая,

и я вынял из налучи свой крепкой лук

и из колчана калену стрелу,

и хотел убить лебедь белую.

И она мне провещится человеческим голосом:

«Свет Михайла Поток Иванович!

Не стреляй меня, лебеди белья,

я по морю плаваю лебедью,

а перед тобою стану красною девицею».

И я не успел положить в налучь крепка лука и
в колчан калены стрелы, ажно передо мною стала красною
девицею.

И мне она полюбилась,

и я привез ее во Киев град».

Что зговорит великий князь Владимир киевский:

«Свет Михайла Поток Иванович,

перепусти мне тое девицу красную».

Что зговорит Михаил Поток Иванович:

«Я ее, государь, тое девицу взял за саблюю,

я сам с нею свенчаюся».

И крестил ее, и венчался с нею,

и венчал их владыка черниговской,

и дал ей имя Белая Лебедь Авдотья Лиховидовна.

И почал с нею любезно жить.

И живет с нею два годы.

А охотник был Михайла ездить во чисто поле

тешиться

по два месяца и по три и по пяти. И поехал во чисто поле
Михайла тешиться на два месяца. И без него пришел куп-
чина Золотой орды с товары заморскими.

И прослышала Михайлова жена про купчину,
что пришел с товары заморскими,
и пошла Михайлова жена смотреть товаров
заморских.

И увидел купчина красоту лица ее,
и почал спрашивать киевлен:
«Чья де то жена и как зовут ее по имени?»

И киевленья ему сказали:
«То де жена богатыря святорусского
Михайлы Потока Ивановича».

И тут купчина почал товары продавать наскоре
и поехал во свою землю.

И как будет в Золотой орды,
и почал рассказывать царю Кощею:
«Свет государь царь Кощей Золотой орды!
Сколько де я не еживал по иным землям купчиною
уже тридцать лет,

а такой прекрасной не видывал,
как есть во граде Киеве у богатыря святорусского
у Михайлы Потока Ивановича жена Лебедь Белая
Авдотья Лиховидовна лицом зело красна».

И тут почал царь Кощей збирать войска,
и собрал войска сорок тысячей,
и пошел под Киев град,
и Киев осадил накрепко.

И посылает послалника...

(утерян лист)

«...Потока Ивановича,
и царь Кощей от Киева прочь пойдет».
Ажно едет из поля Михайла Поток Иванович,
едет на свой богатырской двор.
Встречает его Белая Лебедь Авдотья Лиховидовна,
примает его за белы руки
и целует его во уста сахарные,
сама зговорит таково слово:
«Свет государь Михайла Поток Иванович!
Пришел под Киев град царь Кощей Золотой орды,
и Киев <осадил> накрепко,
и просит меня из Киева,
и киевленья придумали отдать меня».

Что зговорит Михайла Поток Иванович:

«Собаки мужики киевленья!

За что ссужаются чужими женами?

Зделялися бы своими женами и дочерьми,

а я за свою жену умею и сам стоять,

и биться с погаными во чисте поле».

И садится на той доброй конь,

и едет во чисто поле,

и побивает силу Кощееву,

а Кощей ровно сам шост ушел во свою землю.

А Михайла, побив силу, приехал в Киев град на свой
богатырской двор

и стал с женою пить и есть и тешиться.

И живет с женою два годы без съезду.

И поехал во чисто поле тешиться ровно на три месяца.

И без него пришел царь Кощей,

а с ним силы шестьдесят тысячей.

И Киев осадил накрепко,

и сылает послалника к великому князю Владимиру:

«Ой еси, великий князь Владимир киевский

Всеславьевич!

Отдай мне Михайлову жену,

и я от Киева прочь пойду.

А будет ты не отдашь мне Михайлову жену Потока
Ивановича

Белую Лебедь Авдотью Лиховидовну,

и я Киев град взятъем возьму,

а людей твоих в Киеве всех вырублю,

а жон и детей в полон возьму».

Что зговорит великий князь Владимир киевский

Всеславьевич:

«Ой еси, киевленья все, гражания и мужики киевленья!

Думайте да не продумайтесь!

Отдавать ли Михайлову жену Потока Ивановича

Белую Лебедь Авдотью Лиховидовну или нет?»

Что зговорят гражания и мужики киевленья:

«Свет государь великий князь Владимир киевский

Всеславьевич!

Доселева в Киеве Михайловы жены не бывало,

и царь Кощей под Киев не прихаживал,

и Киева накрепко не осаживал,

тебе, государю, такой кручины не бывало.

Отдадим Михайлову жену Белую Лебедь,
и царь Кощей от Киева прочь пойдет».

А того не ведают, что Михайло бьется с погаными
во чисте поле уже третий день. И побил силу Кощееву, и
всего Кощей сам четверт ушол во свою землю, в Золоту
орду.

А Михайла, побив силу, и едет к Киеву наскоре,
скачет через стену городовую
и становится на свой богатырской двор.
И никто его не встречает,
и за руки не примаает,
и во уста не целует.

Встречают его люди дворовые,
сказывают вести недобрые,
что жена его переставилась.

И тут Михайла закручинился,
идет на свой богатырской двор-терем.

И приходит в отхожую горницу, где жила жена его,
ажно лежит мертва жена его, покрыта камкою белою.

И Михайла почал целовать мертвую жену свою,
а сам зговорит таково слово:

«Помню я и сам свое слово,
что у меня с тобою молвлено и запровано:
кто наперед умрет, а кто останется,
и тому живу в могилу иттить».

И велел гробницу делать каменную,
чтобы двум человеком сидма сидеть
и лежма лежать и стоима стоять.

И зовет на погребане князя Владимирера,
и князи и бояры, и владыку черниговского.

И сошлись на погребане князь Владимир,
и князи и бояры, и сильные могучие богатыри,
и владыка черниговской.

И почал Михайла во гробницу класть жену свою,
и сам с нею жив ложится.

Что зговорят князи и бояры и все киевляня:

«Нигде, скать, того не слыхано, не токмо видено,
чтоб живые ложилися с мертвыми.

А ты, Михайла, жив ложишься в могилу для жены
своей! Найдем мы в Киеве, захош, княиню, или боярыню,
или девку посадскую, — такова ж тебе жена».

Что зговорит Михайла Поток Иванович:

«Знай де всяк сам себя,
закапывайте, не мешкайте!»

Что зговорит князь Владимир киевской Всеславьевич:
«Накладывайте досками дубовыми,
насыпайте песками желтыми,
а над могилою поставьте сторожу крепкую:
как Михайлу скучится,
станет кричать громко голосом, —
выпускайте его на вольной свет, не мешкайте».

Похороня его, все пошли нарозно, по домам пошли.
И Михайла Поток Иванович сидит в могиле с женою
мертвою день до вечера.

И как будет о полуночи,
ажно пришла ко гробнице змея лютая,
и гробницу каменную проела,
и пустила во гробницу двух змеенков лютых,
и змеята учали Лебедь Белую сосать за груди.

И Михайла ухватил змеенков и почал р<в>ать надвое.

И провещится ему змея лютая:

«Свет государь Михайла Поток Иванович!

Не рви моих змеенков маленьких,
я принесу тебе мертвой и живой воды».

И Михайла зговорит таково слово:

«Поди, змея лютая, принеси мне живой воды».

И пошла змея лютая,
принесла ему живой воды.

И Михайла почал рвать змеенков на крохи
и покрапляет их живою водою, —
и змеята ожили.

И Михайла кропляет мертвую жену свою,
и жена его будто от сна пробудилася.

И Михайла засвистал громко голосом,
и караульщики попадали.

И тут слышали соседи ближние
и почали могилу раскапывать.

Ажно идет из могилы Михайло
и ведет за руку из могилы жену свою.

И тут сошлись к могиле люди многие,
и все они дивуются, что была мертва жена

Михайлова,

а Михайла оживил ее.

И почал с нею любезно жить лутче старого.

И живет с женою без съезду ровно три годы.
А товарищи его еще до Киева не приехали.
И поехал Михаил во чисто поле тешиться ровно на пять
месяцов.

А без него пришел царь Кощей Золотой орды,
а с ним силы сто тысячей,
и Киев град осадил накрепко,
посылает посланника к великому князю Владимиру
киевскому Всеславьевичу:

«Ой еси, князь Владимир киевский!
Отдай мне Михайлову жену,
и я от Киева прочь пойду.
А будет ты не отдашь ее,
и я Киев град весь выпленю,
а людей всех в Киеве вырублю,
а жон и детей в полон возьму,
а тебе, царю, живу очи вытравлю.
А будет ты отдашь мне Михайлову жену Потока
Ивановича

Лебедь Белую Авдотью Лиховидовну,
и я от Киева прочь пойду».
Что зговорит великий князь Владимир киевской
Всеславьевич:

«Ой еси, князи и бояры...
...он меня двожди наехал в беле шатре во чисте
поле сонного,
се не предал мне смерти скорые.
Как хош сама с ним».

И велел у него побрать ружье богатырское и палку
железную,
а сам поехал во свою землю в Золотую орду,
а Белую Лебедь с собою же взял.
А Михайла спал ровно три дни и три ночи
и на утрая пробуждается —
ажно нет у него ружия богатырского, ни палки железные,
один стоит его доброй конь,
и тот был далече во чисте поле.
И тут Михайла закручинился,
садится на свой доброй конь
и поехал далеча во чисто поле,
и доезжает царя Кощей неверного.

А царь Кощей на стану стоит,
опочив держит с Белою Лебедью.
Что зговорит Михайло Поток Иванович:
«За что-де побивать войско безвинное?»
И поехал прямо к белу шатру.
И увидела его Лебедь Белая,
встречает его у бела шатра,
сама зговорит таковы речи:
«Свет Михайло Поток Иванович,
богатырь земли святоруские!
Не хочу я жить у неверного царя Кощея Золотой
орды,
хочу жить у тебя, богатыря святоруского.
Возьми меня во Киев град по-прежнему!»
И подносит ему питья пьяного.
И тут Михайло задумался:
«А вот да баба, вот подлая!
Хочет со мною жить по-старому!»
И испивает с дороги питья пьяного,
и ложится спать в беле шатре.
И она начала будить своего любовника:
«Встань, государь царь Кощей Золотой орды!
Пришел недруг твой Михайло Поток Иванович,
предай ему смерти скорые.
А будет ты не предашь ему злую смерть,
и он тебе самому предаст злую смерть во чисте поле».
Что зговорит царь Кощей:
«Прямая ты неразумная, из злых жен первая!
За что мне Михайлу предать смерти скорые?
Он меня двожди наехал во чисте поле
в беле шатре сонного. . .»

ИВАН ГОДИНОВИЧ

«. . . за Вахромия Вахромиевича.

И ты как себе начеешься,
волею даст и неволею возьми,
силою возьми богатырскою,
а грозою княженецкою
великого князя Владимира».

Как будет Иван Годинович под городом
Черниговым,

у ворот приворотников не спрашивал,
а у дверей придверников,
но ударил он в ворота стеколчатые
вострым копьем своим.

Воротечка скочили серед двора и раскололися,
и вереи пошатались,
тынинки все повалилися.

Как будет Иван Годинович
среди двора гостиного,
выходил Дмитрий гость, богат купец,
на свое на крылечко на красное,
сам зговорит таково слово:

«Гой еси, Иван Годинович!

Что ты ко мне на двор нечестно въехал
и говоришь со мною безобсылошно?»

Проговорит Иван Годинович:

«Гой еси ты, Дмитрий гость, богатой купец!
Для того яз на двор к тебе нечестно еду,

дай ты за меня чядо свое милое,
красну Настасью Дмитриевну
с любовию великою.
Волею дашь и неволею возьму,
силою богатырскою а грозою княженецкою».
Зговорит Дмитрией гость, богатой купец,
молоду Ивану Гоудиновичу:
«Как мне с тобою будет ладити?
У меня уже дочи просватана
за море за синее
во славную землю во Лабскую
за царища поганого
за Вахромия Вахромиевича.
И ты как себе начяешься ли
уехати ко стольному граду ко Киеву,
к великому князю в ясны очи?»
Неунимчиво сердце богатырское
молода Ивана Гоудиновича.
Не меды сытити, не пива варить,
походило во гридне столованье почестное,
садились за столы за дубовы,
за ествы сахарные и за питья медвяные.
Имал Настасью за белы руки,
за ее за перстни злаченые,
бьет челом Иван Гоудинович
Дмитрею гостю, богату купцу,
на хлебе да на соли.
Сам пошел вон из гридни столовые
и скоро сядился на конь
с добрыми молодцы с удалыми.
Поехали они в чисто поле,
розставил Иван Гоудинович
бел шатер в чистом поли
и стал с Настасьею опочив держать,
а добрым молодцам говорит Иван таково слово:
«Поедьте вы, удалые добрые молодцы,
первое сто — на лесы на темные
и убейте вы лань златорогую
к моему столу брачному,
а другое мое сто молодых молодцев
подите далече во чисто поле
и убейте вы мне дикого вепря.

Вы гой естя третие сто,
вы добрые молодцы удалые,
подите вы на заводи тихие,
настреляйте мне к столу брачному
много гусей и лебедей».

И как розъехалась его вся дружина хоробрая
на ловы звериные на его участие великое.

И как учул поганой царь,
что не стало красные Настасьи
в Чернигове у гостя у Дмитрия,
обвертывался он ясным соколом
и скоро летел из-за синя моря и к лесу темному,
обвернулся он гнедым туром
и выходил на поле на чистое,
и обвертывался он молодым молодцом.

Как будет он у шатра Иванова,
сам зговорил таково слово:
«Гой еси ты, молодой Иван Гоудинович,
выди ты вон из бела шатра полотняного,
мне хочется с тобою переведатися
и перемирье взять о красной Настасье Дмитреевне».

Выходил Иван Гоудинович
в однех чулках и без чеботов,
в одной сорочке и без пояса.

Имал Иван Гоудинович
поганого царя за белы руки,
ударил царя о сыру землю матерую,
налня под ним земля потряслася.

Садился Иван царю поганому на белы груди,
вынимал он свой булатной нож,
на мусате ножичек наставлявает,
хочет он у царища поганого
спороть груди белые
и закрыть очи ясные.

Взмолится царищо поганое:
«Ой еси ты Настасья Дмитриевна,
выди ты вон из бела шатра,
свор<о>ти с меня Ивана Гоудиновича,
яз тебя за собя возьму,
а станешь ты слыти царицею,
и все орды нам поклонятся.

А как ты будешь, Настасья, за Иваном
за Годиновым,

и тебе слыть будет холопкою
во дворе у Владимира киевского».

У всякие де у женщины
волосы долги, а ум короток.
Выходила Настасья из бела шатра,
имала Ивана за белу ногу,
своротила его с царища поганого.
Садился царищо на белы груди
молоду Ивану Годиновичу,
вынимает свой булатной нож,
на мусатичке ножичек наставлявает,
хочет он спороть груди белые
и закинуть очи ясные.

Сам говорит таково слово:

«Для того яз тебе белых грудей вскорее, Иван,
не спору,

что ты скоро не спорол у меня».

И привязал он Ивана ко сыру дубу кряковисту,
сам пошел, царищо поганое,
к красной Настасье Дмитриевне
опочив держать в белой шатер.

По божье было по милости,
а молоду Ивану по счастью,
издалече поля чистого
прилетали два голубочика малешеньки,
садились на тот сырой дуб.

Выходил царищо из бела шатра,
имал Иванов тугой лук
и стрелял по тем малым голубкам.

Взвилася та высоко калена стрела под облаки,
и пала та калена стрела поганому царищу в голову,
и расколело ему буйну главу
против сердца ретивого,
и ударило его о сыру землю матерую.

Выходила Настасья красная из своего бела шатра,
сама зговорит таково слово:

«Ох-ти яз, молода, согрешила,
от берегу отстала, а к другому не пристала!»

Взмолится ей Иван Годинович:

«Ой еси ты, красна Настасья Дмитриевна!

Отвяжи ты меня от сыра дуба кряковистого,
а яз тебя не стану ни бить, ни мучить,
только лишь тебе поучение дам,
как мужи жен учат».

Отвязала молода Настасья красная Ивана от сыра
дуба.

Пришел Иван Годинович к Настасье в белой шатер,
имал свою сабельку булатную вострую,
сечет Настасье по колен ноги и руки по локоть сечет,
сам говорит таково слово:

«Те мне руки и ноги не надобет,
которые помогали царицу поганому».

И отрезал Настасье нос с губой:

«Эти мне губы не надобно,
которые целовали царища поганого.

Вот тебе, Настасья, воля на все на четыре стороны,
хотя вдовой седи, хотя замуж поди».

Мал час поизоидучи,
приехали из поля добрые молодцы его удалые,
привезли питеры и едеры всякие.

Проговорит Иван Годинович:

«Не надобет мне ни питера ваша, ни ества сахарная,
потому что яз для Настасьи красные
немного сам головы не отстал
от того царища поганого

Вахромия Вахромиевича.

Вы гой естя, мои братцы товарищи,
отликие удалые добрые молодцы,
вы седлайте скоро добры кони,
поедем мы к городу ко Киеву,
к великому князю Владимиру».

Как будет Иван Годинович
пред князем Владимиром киевским,
говорит Владимир таково слово
молоду Ивану Годиновичу:

«Здраво ты, Иван, под венцом стал
с красной Настасьею Дмитриевною?»

Зговорит Иван Годинович:

«Свет государь ты мой дядюшка,
князь Владимир киевской!

Ездил яз к городу Чернигову по Настасью
Дмитриевну,

яз для ради ея, Настасьи красныя,
мало головы не отстал.

Не хочу, государь дядюшка, больше того жениться,
но хочу постричися,
потому что мне в них участия нет».

Конец богатырю.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТИХ

**ПЕСНИ В ЗАПИСИ
С. И. ПАЗУХИНА**

ПЕСНЯ ИВАНА ЛУКЪЯНОВИЧА ...НЕВА

Д ой не плачьте мои ясные очи,
а не все надсажайте мое сердце.
Как увижу мила друга очи,
о здоровье мила друга спрошаю.
О здоровье мила друга спрошаю,
про свое я житье ему скажу.
А не то мне на мила друга досадно,
а что долго мила друга нету,
а и то мне на мила друга досадно,
а что прельстила мила друга иная.
А всем мне надежа полюби <л>ся:
а умом он и ростом да родился,
лишь однем мил надежа провинился,
а что смолода с иными поводился.

ПЕСНЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПЕСТОВА

Пойду я, младенька, погуляю,
я на свои новые на сени;
посмотрю-ка я далече в чисто поле,
хорошо ли в поле луги зеленеют.
Хорошо ли в поле луги зеленеют,
лазоровые цветы расцветают.

Зеленеются в чистом поле луги,
лазоревые цветы расцветают.
А всех людей в поле я не вижу.
А все люди <с> службы едут,
моего света милого нету.
По здорову ли мой миленькой едет,
али то воеводы не отпустят?

**ПЕСНИ В ЗАПИСИ
П. А. КВАШНИНА**

* * *

Свет, моя милая, дорогая,
не дала мне на себе нагледеться,
на хорошей прекрасной лик насмотреться.
Пойду ли я в чисто поле гуляти,
найду ли я мастера живописца
и велю списать образ ей на бумаге,
хорошей прекрасной лик на персоне,
поставлю е во светлую светлицу.
Как взойдет на меня тоска и кручина,
пойду ли я в светлую светлицу,
Спасову образу помолюся,
на персуну мила другу насмотрюся:
убудет тоски моей и кручины,
и великое чезело его рыдает.

* * *

Не по-летнему солнышко на небе греет,
на всех красно солныш <к>о обогрело,
одное меня, бедную, ознобило.
Ко всем милой друг заезжает,
он к одной ко мне не заедет,
а хотя он ко мне и заедет,
он тайны мне он не скажет.

Не голубка с голубем ворковала,
 сестрица с братцем говорила,
 говоря сестрица с братцем,
 [стала учала] сестрица братца хвалити:
 «Ой мой миленькой братец сердешной,
 дружок дорогой мой ненаглядной!
 Как не могу на тебя, братец, насмотреться!
 Хорош мой миленькой, что наливная яблочка,
 пригож мой миленькой, как маков цветочек,
 молоденок мой братец, как ягодка вишенка.
 Коли я тебя, братец, не вижу,
 тогда я с тоски пропадаю.
 Коли мне будет по любимого братца помянути,
 нельзя мне по нем не вздохнути.
 Крепкая моя дума и верное он мое слово,
 неизменная моя дружба».
 Говоря сестрица с братцем,
 стала сестрица жалобу творити:
 «Тошно ль мне, братец, напраслину слыша
 в напрасной небылице.
 Ой суди, боже, кто нашему совету завидит
 и меня, молоденьку, небыльными словами поносит,
 кто хочет меня с братцем разлучити...
 Не прибыль себе хочет учинити,
 что меня... [ил разлучити]
 Хотя ж мне огласку великую принять,
 а от милого братца не отстати,
 кручины ж...
 ...ходячи во садку,
 взговорит слова плачучи,
 чежело вздыхаючи:
 «Один был у сестрицы любимой дружок,
 ее сердешной братец,
 и на того-то напраслину взводят.
 А хотя осуди бог ненавистника моего,
 милого злодея недруга,
 кто меня небылицею оглашает,
 а хочет он меня с милым братцем разлучити.
 Да дай же мне, боже, напраслину терпети!
 Хотя же мне, младеньке, и горько,

Хоть же мне и тошно,
и того уж мне тем не отбыти,
что мне братца избыти — не любить.
Воздай ему, боже, а и по его великой правде,
и чтобы моему недругу по той правде
с молодою женою век скоратати.
Ни буйны ветры с меня той напраслины
не свеяли,
ни вода с меня не слелеяла.
Ах тошно ль белой рыбице без воды,
тошнее ль того слышать напрасину,
. . . так что моя душа напраснины. . .
была б моя правда пред богом.

* * *

На тихой на заводи
воскликнула громко голосом
бела лебедь жалобно добре,
тужила по белом лебеде,
что покинул ее бел лебедь,
понялся мой бел лебедь с иною лебедкою.
Во высоком тереме
сидит под окошечком красна девка,
ясны у ней очи заплаканы,
во слезах она взговорит слова,
насилу слова молвила,
взговорит она слова плачучи:
«Ой на свет, мой милой друг,
покинул меня, девицу!»
Ай не павушка по двору ходила,
а не золото перо она ронила,
ходила девица красная,
во чисто поле смотрила:
«Дорого, дорого золото красное,
дороже чиста жемчуга скатиста,
дороже того мое милое, мое ненаглядное».

* * *

Не сон меня, молодца, клонит,
не дрема меня изнимает,
изнимает меня кручина великая,
на жите свое горькое смотрячи,
на бесчастье свое глядя!

С той ли то моей кручины
болит моя буйная головушка,
исчеплялись мои кудри.

Никто молодца не любит,
всяк его ненавидит, бедного.

А и бог то их судит,
за что меня не любят, молодца,
за что оглашают.

Никому я не грубитель,
кроме слова ласкова
да поклона низкого.

Пойду ли я во чистое поле гуляти,
на красные на цветочки осмотреть,
размычу свою злую кручину
по чистому полю.

* * *

Жарко, жарко красное солнышко греет,
ясно, ясно светел месяц светит,
хорошо, хорошо мой милой друг
в чистом поле ездит.

* * *

Развейте мою кручину, буйные ветры,
разсажу свою кручину по лазоревым
цветочкам,
рости, моя кручина, по чистому полю,
цвети, моя кручина, пустым пустоцветом.

* * *

С кручины болит моя буйна голова,
слезы у молодца проливаются,
как бы без огня сожгло мое ретивое. . .
Ой не буйны ветры в поле бушуют,
ай не буйны в поле зашумели,
у молодца. . .

* * *

Прилетала ко молодцу птичка,
приносила к нему вестку,
а вестку злу-досадну,
сказала мне про милого про друга,
что мила друг неможет.

* * *

Ой не бушуют буйны. . .

* * *

Износил свою молодость для друга,
для милого,
истаскал красоту свою.
Много-то гулено, много-то видено,
такова же друга не наживано,
как мой миленькой:
краше был красного золота,
дороже был чистого чемчугу,
нраву был послушного,
слова был утешного,
очами был как ясен сокол,
лицом он был как белой снег,
черны кудри шапкою.
Оставайся, мой милой друг,
разживайся, мой недруг!

* * *

Я думала-подумала,
чужого разума послушала:
отказала милому в очи...
...ной молодой жене,
на душе красной девице.
Приди, мой милой друг, канун девишника,
подарю тебя, милой друг, сорочкою
миткалиною,
сорочкою, кисейными порточками.
Ждала я мила друга день до вечера,
пришел ко мне милой друг
и поутру ранешенько,
на восходе красном солнышке.
Вы, нянюшки-мамушки, подайте окован
ларец,
отомкните окован ларец,
вы выньте для друга
два ножа, два булатные,
не могла, молода, состави,
а вспорите другу милому
ай его груди белые!
Не достанься, мой и милой друг,
а ни мне, ни моей сестре,
ни моей... — разлушнице,
а достанься, мой милой друг,
а сырой матерой земле,
да заведай мою тайную
а сыра дубова доска.

* * *

Ой сахар мой, сахар, бел крупчатой, канарской!
Кто тебя станет кушать, насладит свою душу.
Ой бархат мой, бархат, помаранцов веницейской!
Кто тебя будет носить, в тебе будет красоваться.
Ой свет же мой, друг сердешной, душа моя надёжа!
Кого ты будешь любить, кто твоею будет слыти,
всегда станет веселиться, сердцем в радости жити.
Таков ты мне, мил надёжа, ни душа моя так в теле.
Настругал милой стружек из калиновых стрелок,

он расклат из них огник на моих белых грудех,
загорелася искра к ретиву сердцу близко.
Горит мое сердце во моем белом теле,
палит мою душу день и ночь непрестанно,
по тебе, моя надежа, живот мой сокрушается,
и со слез, мой друг сердешной, ясны очи помутились,
со вздыханья ль, мой надеже, ретиво сердце
надселось.

Или то тебе, друг мой, годно, что меня уморити?
И тебе, моя надежа, не хитро то учинити,
лише бы богу не дати тебе бы о том ответу,
и что уморити без своего привету.
А коли меня избудешь, и либо по мне патужишь,
и тогда, мой надежа, той печали не пособишь.
Умилишь ты надо мною,
чтоб всегда была я с тобою,
и тогда б я, младенечка, непрестано веселилась,
и с тобою б, мой светок, всегда бы утешалась,
и моя бы зла кручина в веселье превратилась,
а та у меня кручина до конца сокрушила
и меня, младеньку, с умом разлучила.
Только моего и веселья, коли я с тобой увижусь,
а коли ты отведешь...

* * *

Не ясен сокол летает,
ай не маков красный цвет рано расцветает,
мой миленькой дружечек ранешенько вставает.
Не легкой заечик протекает,
и красна девица из терема поглядывает,
своего мила друга посматривает.
Не зелена трава зеленеется,
душа девица усмехается.
Не тихи дождь опускается,
не пава птица воскликнула,
красна девица слово промолвила:
«Ой свет же мой, доброй молодец!
За что на меня, красну девку, безвинно
разкручинился?»

За что не любишь, ко мне не ходишь — не жалуешь?
Или кто тебе обнес лихим словом,
или кто огласил безделицею,
или кто меня с тобою смутил ссорою великою?
Ой суди бог неприятеля, кто смутил с тобою нас!
Или я не любила тебя, друга милого?
Или я чем поносила тебя, мила друга?
Была я тебе, другу, ни в чем не ослушница.
Когда ты был, мой миленькой, на дальней на службе
государевой,
тогда я с тоски убивалася,
и со слез мои очи помутились,
и ретиво сердце по тебе я надорвала,
и заочно по тебе, друг сердечной, я умирала.
Ныне я сама вижу, что на меня ты розкручинился!»

* * *

Как изсохла трава-былиночка осенью,
не воркуй, голубочек, над своею голубкою во голубенке
сидючи,
не давай мне назолы, красной девице.
А и так мне, девице, тошно по миленьком дружечке,
что живши со мною друг меня да покинул.
С тоски ль, со кручины мне, молоде, со кручины ль я
пропадаю,
по моему другу засохло мое ретивое сердце,
помутились мои ясные очи,
выступил румянец из моего и <з> бела лица,
со вздыханья ль живот мой надорвался.
Жалела я милого, как свою душу в белом теле.
Государя люди добрые! Ой суди бог моего
неприятеля,
кто смутил меня с милым другом!
Не велику прибыль себе получает
мой миленькой, лише меня надсажает.
Кабы знала немилость к себе друга милого,
не тужила б я по милом друге,
не надрывала б своего ретива сердца,
не открывала я ему всей тайны своей.

что неприятства друга милого,
что покинула меня моя милая, друга старого,
и выбрала моя сердешная друга нового,
ой, друга себе выбрала.
А да не то мне, молодцу, досадно,
что на меня мой друг кручинится,
а то мне, молодцу, досадно,
что меня оставляет,
бедную мою голову сокрушает,
а иного себе друга выбирает.
Ой, выбрала друга нового, друга верного,
прельстилась моя милая на его слова лживые,
или того не разсудила,
что живет он с тобою неправдою,
и душею льстивою он насмехается,
говорит про мила друга безделицу.
Ой тошно ль мне, молодцу, тошнилося
и на сердце мне засмутилося,
и в очах мне, молодца, сомутилося,
слышачи про мила друга небылишную безделицу.
. . .моя я сокрушаюся,
горчае мне пельни вгорчилося,
тошнее всякой тоски встошнилося,
поминаючи любовь друга милого.
Уж весь я, молодец, сокрушился,
та ли меня кручина с ног свалила,
и со слез, мой друг сердешной, ясны очи
помути <лися>,
загорелася во мне сердешная искра,
сожгла мое сердце,
палит мою душу день и ночь непрестанно!
И ай вешний лед, друг, обломливой,
а новой друг обманчивой.

* * *

Тужит. . .
тошно ль, тошно ль мне по миленьком
встошнилося,
грустно по сердешном взгрустнулося,
что покинул мене мой сердешный друг.

* * *

Ай кто не ведает, а что есть на моем сердце,
ай да за мою груд <ью> белою?
Есть кручинушка великая и печаль необъятная;
поехал мил сердешной друг
далече на чужую дальнюю сторону.
А есть у мила друга мил душевной друг.
Как сперва друг меня любил да,
а не мог насмотретися.
Ой доселева миленькой где услышит слово про мила
друга,
ой станет он, станет за милого,
да хоть за брата б так родимого.

* * *

Во поле груша, груша ль моя.
Кабы знала млада ведала нелюбовь друга милого,
неприятства друга сердешного,
ой, не обыкала бы, не тужила б по милом друге
и плакала,
не давала тоски своему ретивому сердцу.
Ой, много младешенька по милом друге плакала
и любила я мила друга, как свою душу в белом
теле.
Милой же друг где живет со мною неправдою,
не любит, не жалует, он поносит словами недельными,
оглашает небылицею.
Сыскала де молодешенька красоту свою да милым
другом.
Ой, суди бог мила друга, что жил...
...со кручины младенька
надену, младенька, ризу черную,
я состригу я...
с великия печали посхимлюся.

* * *

Далеко было во чистом поле
не бела лебедь кликнула,
во высоком в тереме восплачется красна девица
жалобы на своего недруга на дородного добра
молодца:

«..живет он со мною неправдою,
порудал мое бело лицо,
лишь только мне насмехается,
...сердцем отзывается,
то уже мне того вспоминается.
Кабы ведала правду друга милого,
кабы ведала я, красна девица, нелюбовь нежалобну,
друга милого не называла,
ретива сердца не тер<зала>,
я красоты своей девичьей,
не тужила б я по моем друге.

* * *

Возвейте вы, буйные ветры,
возвейте-развейте мою великую тоску и кручину,
завейте-занесите мою тоску кручину
во темные во леса,
потопите там мою кручину водами глубокими,
загрузите мою кручину песками желтыми,
дайте мне утеху хотя на малый на единый час!

*ПЕСНЯ ИЗ СБОРНИКА
РИЧАРДА ДЖЕМСА*

Бережочек зыблется,
да песочек сыплется,
ледочек ломится,
добры кони тонут,
молодцы томятся.

Ино, боже, боже,
сотворил ты, боже,
да и небо-землю,
сотвори же, боже,
весновую службу.

Не давай ты, боже,
зимовые службы,
зимовая служба
молодцам кручинно
да сердцу надсадно.

Ино дай же, боже,
весновую службу,
весновая служба
молодцам веселье,
а сердцу утеха.

А емлите, братцы,
яровы весельца,

а садимся, братцы,
в ветляны стружечки,
да гренемте, братцы,
в яровы весельца,
ино вниз по Волге!
Сотворил нам, боже,
весновую службу.

* * *

Как ходил доброй молодец по чужедальной стороне,
да зашел доброй молодец да во ту избу кабацкую,
пропивал доброй молодец да свою золоту казну,
да хвалил доброй молодец ино ту избу кабацкую:
ты изба, изба кабацкая, кабыть рай на том свету,
голова с целовальники кабыть аньелы крылатые,
конухи да повары погубили моей главы,
да ставал доброй молодец на свои на резвы ноги,
да ставал доброй молодец на свои многолетны

соблуки.

* * *

Со напраслины головушки погинули наши,
называли добрых молодцов разбойниками,
только мы были не воры, не разбойники,
мы были все люди ремесленные;
да мы неводы вязали все ременные,
да мы щуки те ловили все с гривами,
да и окуни ловили со щетинами;
где кони пропали — к нам следом пришли,
кого в тюрьму водили — да ино мы в тюрьме
сидели,
да кого кнутъем стегали — у нас спинушки болят.

* * *

Да ино за рекой деревня четыре двора,
да во той во деревне мой милой друг живет,
да он солоду не рoстит, а пиво варит. . .

* * *

Как рябина, как рябина кудрявая,
как тебе не стошнится,
во сыром бору стоячи,
на болотину смотрячи!
Молодица ты молодушка,
молодица ты пригожа,
как тебе не стошнится,
за худым мужем живучи,
на хорошего смотрячи,
на пригожего глядючи?
Наварю я пива пьяного,
накурю я вина зеленого,
напою я мужа пьяного,
положу его средь двора,
оболоку его соломою,
зажгу его лучиною,
выйду я на улицу,
закричу я своим громким голосом:
«Осудари вы люди добрые,
вы суседи приближенны!
А начесь гром-от был,
а начесь молонья сверкала,
моего мужа убило,
моего мужа опалило».
А ты. . . страдница!
А не гром убил,
а не молонья сожгла,
а ты сама мужа извела!

* * *

Постригись, моя немилая,
постригись, моя постылая!
На пострижение тебе дам сто рублей,
на поскимление тысячу,
монастырь тебе построю в Суздале.

* * *

Постригись, моя немилая,
поскимься, постылая!
На постриженье дам сто рублей,
на поскимленье дам тысячу,
поставлю келейку в Ярославле красном городе,
тонешеньку, малешеньку.
Съезжались князья, бояра,
тут келейке дивовалися:
«Что это за келейка тонешенька, малешенька,
что это за старица молодешенька пострижена?»

РАЕШНЫЙ СТИХ

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛЬНОЕ НЕДРУГУ

Господину имя рек имя рек челом бьет.
 И еще тебе, господине, добро доспею — ехати к тебе
 не смею.
 Живешь ты, господине, вкупе, а толчешь в ступе.
 И то завернется у тебя в пупе, потому что ты добре
 опалчив вкруте.
 И яз твоего величества не боюсь и впредь тебе
 пригожусь.
 Да велел ты, господине, взяти рж<и>, и ты, господине,
 не учини в ней лжи.
 Чтобы, господине, мне очи твои радостно вид<ат>и,
 а тебе б пожаловати та моя рожь отдати.
 Добро тебе надо мною подворит<и> и в такой старости
 с голоду не уморити.
 И тебе, господину моему, недостаток своих, что проел,
 животишек не забыл.
 И я на тебя к богу плачуся, что проел я останошнюю
 свою клячу.
 И ты, господине, на благочестие уклонися, а нам смилуйся,
 поплатис<я>.
 Милость покажи, моей бедности конец укажи.
 А докуду твоего платежу ждать, и я о том не тужу, и сам
 себе не разсужу.
 А тебя не ведаю, как положити и чем одети:
 шубою тебя одети — и тебе опреги,
 а портным одети — и ты здрожешь, у нас убежишь,
 и людей насмешишь, а себя надсадишь.
 А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечем,

Потому что много к тебе послати не смею;
и ты все обрешь, чести не знаешь.

А мало послати к тебе не смею:
боюсь тебя, сердца, ушибешься и гостинец не примешь.
И ты нам дай сроку ненадолго, и мы, как здумаем, и тебе
что-нибудь пошлем.

Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
а мы тебя не <ожидаем> и ворота запираем.

А хлеб да соль у нас про тебя на воротах гвоздем
прибита.

И писать было к тебе немало, да разуму не стало,
и ты, пожалуй, на нас не пеняй.

ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА ДВОРЯНИНУ

...А бедно убо и скорбно дни пребываю,
а милосердия твоего, государя своего, всегда
не забываю.
А мне, государь, Тульские воры выломали на пытках
руки

и нарядили что крюки,
да вкинули в тюрьму, и лавка, государь, была узка,
и взяла меня великая тоска,
а послана рогожа и спать не погоже.
Сидел 19 недель, а вон из тюрьмы глядел,
а мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе,
за старые шашни хотели скинуть с башни.
А на пытках пытаются, а правды не знают.
Правду-де скажи, а ничего не солжи.
А яз им божился, и с ног свалился, и на бок ложился:
«Немного у меня ржи, нет во мне лжи,
истинно глаголю, воистину не лжу».
И они того не знают, больше того пытаются.
И учинили надо мною путем, мазали кожу двожды
кнутом.

Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил.
Баня дурка да и мовник глуп,
высоко взмахнул, тяжело хлыстнул,
от слез добре велик, и по ся места болит.
Прикажи, государь, чем лечить,
а мне, государь, наипаче за тебя бога молить,
что бог тебя крепит, дай, господи, и впредь так
творить.

Да видех, государь, твоего, государя моего имя рек,
рукописание, прослезихся
и крепости разума твоего удивихся,
а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся,
и богу моему за тебя, государя моего, помолихся.
Да от сна вставая и спать ложаюсь, ей-ей, всегда то ж
сотворюю,
а тем, государь, твое жалованье платить, что за тебя
бога молить,
да и всяк то говорит: добро-де он так творит.
Да писал бы, государь, немало,
да за великой смуткой разума не стало...
Розван что баран,
разорен до конца, а сед что овца,
не оставили ни волосца животца,
и деревню сожгли до кола.
Рожь ратные пожали, а сами сбежали.
А ныне воистинну живем в погребище и кладем огнище,
а на ногах воистинну остались одни голенища
и отбились голенища.
Зритель, государь, сердцам бог, не оставили шерстинки,
ни лошадки, ни коровки, а в земле не сеяно ни горстки.
Всего у меня было живота корова, и та не здорова,
видит бог — сломило рог.
Да бог сердца весть — нечего есть.
Велел бог пожить и не о чем тужить.
А я тебе, государю моему, преступя страх,
из глубины возвах, имя господине призвах,
много челом бью... .

РОСПИСЬ О ПРИДАНОМ

Вначале 8 дворов крестьянских
промеж Лебедяни, на старой Рязани,
не доезжая Казани, где пьяных вязали,
меж неба и земли, по верх лесу и воды.
Да 8 дворов бобыльских,
в них полтора человека с четвертью, 3 человека деловых
людей,

4 человека в бегах да 2 человека в бедах;
один в тюрьме, а другой в воде.
Да в тех же дворах стоит горница о трех углах
над жилым подклетом...

Третий московской двор загородной
на Воронцовском поле, позади Тверской дороги.
Во оном дворе хоромного строения:

два столба в землю вбиты, третьим покрыто...
Да с тех же дворов сходится на всякой год насыпного
хлеба

8 анбаров без задних стен;
в одном анбаре 10 окороков капусты,
8 полтей тараканьих да 8 стягов комарьих,
4 пуда каменного масла.

Да в тех же дворах сделано:
конюшня, а в ней 4 журавля стоялых,
один конь гнед, а шерсти на нем нет,
передом сечет, а задом волочет;
да 2 кошки дойных, 8 ульев неделаных пчел, а кто меду
изопьет...

2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких,
2 пустоши по верх лесу и воды.

Да с тех же дворов сходится на всякий год всякого
запасу

по 40 шестов собачьих хвостов,
да по 40 кадушек соленых лягушек,
киса штей да заход сухарей,
да дубовой чекмень рубцов,
да маленькая поточка молочка, да овин киселя.

А как хозяин станет есть,
так не за чем сесть,
жена в стол, а муж под стол,
жена не ела, а муж не обедал.

Да о приданом платье:

шуба соболья, а другая сомовья,
крыто сосновою корою, кора снимана в межень,
в Филиппов пост, подымя хвост.

Три опашня сукна мимозеленаго, драно по три напасти
локоть.

Да однорядка не тем цветом, калита вязовых лык,
драно на Брынском лесу в шестом часу.

Крашенинные сапоги, ежевая шапка...

400 зерен зеленаго жемчугу,
да ожерелье пристяжное в три молота
стегано, серпуховскаго дела,

7 кокошников, шитые заяузским золотом...

8 перстней железных, золоченые укладом,
каменья в них лалы, на Неглинной бралы.

Телогрея мимокамчатая, кружево берестеное. 300 искр
из Москвы-реки браны...

И всего приданаго будет на 300 пусто, на 500 ни кола.

А у записи сидели:

сват Еремей да жених Тимофей,
кот да кошка, да поп Тимошка,
да сторож Филимошка.

А запись писали в серую субботу, в рябой четверток,
в соловую пятницу.

Тому честь и слава, а попу каравай сала да обратина
пива.

Прочитатьщику чарка вина, а слушальщикам бадья меду
да 100 рублей в мошну. А которые добрые люди, сидя
при беседе, и вышеписанной росписи не слушали, тем всем
по головне...

СКАЗАНИЕ О ПОПЕ САВЕ И О ВЕЛИКОЙ ЕГО СЛАВЕ

Послушайте, миряне и все православные христиане,
что ныне зделалось, великое чудо учнилося
над долгим попом, над прямым дураком,
от Козмы и Дамияна из-за реки, а в приходе у него
богатые мужики.

А зовут его, попа, Савою да не мелок он славою.

Аще живет и за рекою, а в церкву ни ногою.

Люди встают — молятся, а он по приказам волочится,
ищет, с кем бы ему потегаться и впредь бы ему с ним
не видаться.

Да он же по площади рыщет, ставленников ищет

и много с ними говорит, за реку к себе манит:

у меня-де за рекою стойте, а в церкви хотя и не пойте,
я-де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.

Аз вашу братю в попы ставлю, что и рубашки на вас
не оставлю.

Сам я, Савушка, хотя и наг пойду, а вас что бубнов
поведу.

Людьми он добрыми хвалится, а сам от них пятится,
как бы обмануть и за Москву-реку стянуть.

По тех мест он ставленников держит, как они деньги
все издержут,

а иных домой отпускает и рукописание на них взимает,
чтоб им опять к Москве приползти, а попу Саве винца
привезти.

А хотя ему кто и меду привезет, то с радостью
возьмет

и испить любит, и как все выпьет, а сам на них
рыкнет:
«Даром-де у меня не гуляйте, подите капусту поливайте». А когда он изволит спать, а ставленикам прикажет баню топить.
И как над ними наругался, только сам в беду попался. Когда жена ему говорила и о всем ему предвозвестила:
«Лихо-де им от тебя ныне потерпеть, а после-де и сам от них станешь...
Сколько тебе, Савушка, не жить, а головою своею наложить.
Добро бы тебе от церкви не отбыть и смертны час не забыть.
Глас божи — глас народа. Где твоя, Савушка, порода? Хотя тебе непригоже, тут твоя и рожа.
Сколько ты не плутал, а ныне на цепь попал.
Добро бы тебе не воровать и добрых людей ворами не называть».
Ставленников посылает обедни служить, а сам на постели лежит.
Кто к сему подобно не творит, тот все головою наложит, кто друга съедает, тот всегда сам пропадает, а кто за ябедою гоняется, тот скоро от нее погибается.
А кто за крамою ходит и как ему не воспитаться, только у ворот его никто не стучится, а кто к нему ни ходит, и он к нему сам выходит и там простится и паки в дом возвратится.
А ты бы сам, Савушка, шел да простился, с кем вчера побранился.

ОТВЕТ ПОПА САВЫ К ПОПАДЬЕ

Поистинне ты, попадья, не смыслишь и дела не знаешь. И рад бы шол да простился, да со многими людьми разбранился.
Как мне не гулять, а от цепи не отлнить.
Да прости ты, попадья, слово твое сбылося, уже и приставы приволоклися, и яко пса обыдоша мя ныне, только не сыскать было им меня и вовеки.

Мне ночесь спалось да много виделось:
 пришли ко мне два аньела и говорят: много-де у тебя, поп,
 в мошне денег,
 мы-де их вынем, сочтем и в аптеку снесем.
 Али ж я спал дома на перине, проснулся, ан уж
 в патриаршей хлебне на рогозине,
 и хожу по хлебне, покличу, ан с шелепом ко мне
 навстречу,
 и как бы я его не умолил, и он бы меня шелепом прибил.
 О сем поп Сава дивился, как он на цепи очутился,
 денег у него в мошне было немало, хватился — ан нет,
 ни пула не стало.
 А мню — те два аньела вытрясли и, положи, из аптеки назад
 не вынесли.

Горе мне, дураку, и великому. . .
 что Сава на цепь попал и вовеки пропал.

Его же, безумного попа, смешной икос.

Радуйся, шальной Сава, дурной поп Саво,
 радуйся, в хлебне сидя, ставленнически сидне!
 Радуйся, что у тебя бороденка выросла, а ума
 не вынесла!
 Радуйся, глупы попенцо, непостриженое гуменце!
 Радуйся, породны русак, по делам воистинну дурак!
 Радуйся, патриарша хлебня, видя тебя, такова сидня!
 Радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея!
 Радуйся, вшивая глава, дурной поп Сава!
 Радуйся, град Тула, что сидит Сава у великого стула!
 Радуйся, дурны нос, на лес глядя, рос!
 Радуйся, долги поп и ако боярски холоп!
 Радуйся, с добрыми людьми побраняся, а в хлебне сидя
 веселяся!
 Радуйся, пив водку, а ныне и воды в честь!
 Радуйся, хлебню посетив и цепь просветив!
 Радуйся и веселися, а домов не торопись.
 Радуйся, попа Савы спина, что хощет быти шелепина!
 Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава
 и везде про тебя дурная слава.
 А на что тебе, Савушка, кондак, . . . ты сын и так.
 Конец хождению Саве большой славе.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ

Ехал ершишко на осиновых дровнишках,
и прошался ершишко в славное Ростовское озерышко
у всех рыб у святой братьи одну ночь ночевать. И со-
биралися они в кучу и думали думу великую и совет со-
ветовали.

Первые рыбы говорят,
настоящую правду творят:
«Просится ерш, старой мох на главе, в Ростовское озеро
одну ночь ночевать.

Как его не пустить,
не ...бой ему наслег носить».
Другие рыбы говорят,
настоящую правду творят:
«Как ерша пустить,
и ... озером сомустить».
А третьи рыбы говорят,
настоящую правду творят:
«Попамятуйте потом,
что будет содом.
Как ерша пустити,
дак ерша не выжити».

И думали думу великую и совет советовали и пустили
ерша одну ночь ночевать. Ерш ночь ночевал, две ночевал,
от двух ночей три ночи, от трех ночей четыре ночи, от
четырёх ночей жил четыре недели безо дни, мало не месяц,
и стал по Ростову озеру ходити и
детей плодити,
всяких рыб теснити,
всех рыб прибил,
всех приколел, в конец пригонил.

Кою рыбу ткнет,
та не отдохнет,
жива быть не может.
Как у царя вострая сабля, то у ерша
щетина,
не от большой плотины.

Коя под пень, коя под колоду, по заводям, по запескам,
по заостровам присталища не стало, и было Ростово озеро
в кулигу. И собиралися рыбы в кучу, думали думу великую,
совет советовали.

Первые рыбы говорят,
настоящую правду творят:
как-де того
прежде сего

в Ростове озере тихо и смирно, все благодарно, дело давно,
а нынечи ерши стали большие,

откуда взялись,
откуда поднялись,
из какой ряки,
из какой протоки?

И думали думу велику и совет советовали, велели посланному
писати посылную грамоту на ерша,

в суд праведной просят
и ныне не бросят.

И садится рак,
печатной дьяк,
на ременчатой стул,
чтобы чорт не сдул.

И садится щука калуга, семга печерска, сельдь переяславская,

и садится в судках секретарь осетр,
головой тресет:

«Сукин сын, плут, бражник ерш, вековой ябедник, тот ли
не тот ли?»

Как бы в руки попал,
головой бы пропал.
Над родом нашим натрубил,
брата осетра на Волге погубил,
баял да баял,
да в невод завел».

И думали все судьи с вопча посланного послати по ерша

ельца стрельца,
удалого молодца,
с вершины до конца,
где ерша сыскати,
по щекам свистати,
под г...о пинати,
в хребет толкати,
перед суд посылати,
никаких басен и отговорок не слушать.
Тут и пошел елец-стрелец, удалой молодец,
с вершины на конец,
до первых рыб дошел и стал спрашивать:
«Где видали,
где слыхали
плута, бражника,
ерша вора, ябедника?»
Первые рыбы говорят,
настоящую правду творят:
«Мы его в вид не видали,
а слыхом слыхали,
нынечи ерши стали большие, проходу не стало».
Посланной от первых рыб пошел,
до других рыб дошел:
«Где видали,
где слыхали
плута, бражника,
ерша вора, ябедника?»
Другие рыбы говорят,
настоящую правду творят:
«Мы от его бежим,
плачем да дрожим».
Посланной от других рыб пошел,
до третьих рыб дошел:
«Где видали,
где слыхали
плута, бражника,
ерша вора, ябедника?»
Третьи рыбы говорят,
настоящую правду творят:
«Ищи ерша по заводям, по запескам, по заостровам, ищи
в кулиге». Посланной по боду, по счастью, и по боже-
скому изволению

как наскоре в кулигу пришел,
так ерша и нашел

и говорит ему:

«Сукин сын, плут, бражник,
ерш — вековой ябедник!
Живешь ты дико,
поступаешь велико!

Есть челобитье немало:

много ли ты бридишь,
далеко ли видишь,
всяких рыб обидишь,
всех рыб прибил,
всех рыб приколот, в конец пригонил.
Кою рыбу ткнешь, та не отдохнет,
жива не будет.

А нынечи изволь перед суд стати,
ответ дати.

Полно мотати,
добра не видати».

Ерш говорит,
настоящую правду творит:

«Например, скажут:
посла не куют, не вяжут.

Ты бы не так пришел,
не то слово нашел:

батюшко ерш,
здорово ли живешь?

Много ты бридишь,
далеко ли видишь?

Сами ведь они бридят,
век нас ненавидят,
в рот нас хватают,
всегда мотают.

Челобитна ли на меня подана или словесно доносят?»

Посланной говорит,
настоящую правду творит:

«Челобитные нет,
а бьют челом век.

Изволь, ерш, пред суд стати,
ответ дати,

полно мотати,
добра не видати».

Ерш говорит,
настоящую правду творит:
«Я не то что потом, и теперво готов
перед суд стати,
ответ дати.
А ти б, посланной, полно надо мной
летати,
самому добра не видати».
И пошел ерш с посланным с ельцом,
удалым молодцом.
Идет ерш близко,
кланяется низко.
И садится рак,
печатной дьяк,
на стул,
чтобы чорт не сдул.
И садится щука калуга, семга печерская, сельдь пере-
яславская. И садится в судках секретарь осетр,
головой трясет,
весьма на ерша несет:
«Сукин сын, плут, бражник,
ерш — вековой ябедник!
Живешь ты дико,
поступаешь велико,
Есть челобитье немало:
Много ли ты бридишь,
далеко ли видишь,
всяких рыб обидишь?
Всех рыб прибил,
всех рыб приколот, в конец пригонил.
Кою рыбу ткнет,
та не отдохнет,
жива не будет.
Смотри ты, над родом нашим нагрубил,
брата у меня осетра на Волге погубил,
баял да баял,
да в невод завел».
Ерш говорит,
настоящую правду творит:
«Молчи-тко ты, судья,
кому будет дивья.

Расскажу дело я твое.

Ты брат, брат
давно тому и рад,
а вы, судьи, от бога созданы,
от царя посажены,
ей-ей, судите в правду, в крестное целованье, в евангель-
скую заповедь:

как жить-умереть,
вперед себя не потерять.

Мы с братом с твоим с осетром сошлись на матушке Волге,
полюбовно побратались,
крестами поменялись.
Он большой брат,
я ему и рад.
Он пошел попереди,
а я пошел позади.

Я и говорю:

«Как тебя, брат осетр,
скоро бог несет?
Вода жидко,
а ты идешь шибко».

Я и спросил у него:

«Брат осетр, много ли ты бридишь,
далеко ли видишь?»

Он говорит:

«Я вижу матку Волгу с корени
и до вершины,
в ширину и глубину исповедал,
на дворе вечер, а не обедал».

У меня, у меньшего брата, у ерша спросил:

«Ты много бридишь,
далеко ли видишь?»
«Я вижу от носу с пят,
да подвинуся опять.
На дворе вечеряется,
а мне, ершу, опочеваться,
на мели обночеваться».

Я говорил:

«Брат осетр, ти б с мели на глубь идти,
доброго не найти».
Как он слово то сказал,
сам себя и связал.

Русской бог похвального слова не любит.

Как он с мели на глубь сошел,
со слепых то в невод зашел.
А у нас, у ершей, какова не миня,
по делу дидя.
У мужиков у неводов матицы редки,
а у нас, ершов, думы крепки,
я в матице не заживусь
и ечей прошибусь.
Мужики на берегу стоят,
разговор говорят,
за реку ехать хотят:
«Воно, ребята, рыба мечется,
не от нас ли прячется?»

Взяли лодку, сдернули,
неводом объехали,
и к берегу приехали.
Пришел Скокдан,
осетра бог и дал.
Взяли полено,
а голову ту сломили о колено».

Ерш на другую сторону: «Воно, ребята, прозора бьют —
видел матку Волгу с корени и до вершины, а со слепых-то
в невод зашел».

Судьи на месте сидили,
правду судили.
«Что ты, ерш,
хоробро живешь?
Благо баешь,
лишь судей мотаешь,
прав не бываешь,
ничего не знаешь.
Как ты в Ростово озеро вселился,
с детьми расплодился,
по озеру расходился?»

Есть ли у тебя на то свидетели?»
Ерш говорит,
настоящую правду творит:

«Есть на то у меня свидетели:
есть сорога —
послать далеко дорога,
есть окунь —
и ныне охат,

есть подъязок —
безо всяких подвязок,
есть налим —
неловко нам и обим,
по налима по свидетеля послать —
долго не дождать:
брюхо велико,
глазам дико,
шевелится тихо,
губы толсты,
под щеками не просто,
язык худ —
нельзя привести пред суд
да слушати тут.
Как мы в Ростово озеро вселились,
с детками расплодились,
по озеру расходились,

жили наши деды, прадеды,
отцы наши состарились
и преставились.

И было в Ростове озере дворишко худое, соломой крыто,
во дворишке клитишко,
в клитишке коробьишко,
в коробьишке пути и грамоты,
деревенские крепости.

Ето по богу и по несчастию и по божескому изволению
и по божью прогневанью было на Ростовское озеро
пожарной случай,
и ныне скучим:
принялось за солому,
много было реву и содому.

И горело Ростовское озеро четыре годы». Судьи на месте сидили,
правду судили,
и велели ершу идти на прежнее жилище,
на свое пепелище,
где было дворище.

Челобитчики затужили:
как с ершом быти,
как пособити,
как ерша добыти?

СКАЗАНИЕ О ЕРШЕ

Шол Перша, заложил вершу,
пришел Богдан да ерша бог дал,
пришел Иван, ерша поймал,
пришел Устин да ерша упустил,
пришел Спирия да на Устина стырил,
пришел Иван да опять ерша поймал,
пришел Давид, почал ерша давить,
пришел Андрей да ерша ввнузна огрел,
пришел Потап, почал ерша топтать,
ехал Алешка на колесах да взвалил ерша
на колеса;

пришел Акины, ерша в клеть кинул,
пришел сусед да кинул ерша в сусек,
пришел Антроп да повесил ерша под строп,
пришел Лазарь да на ерша слазил,
пришел Назар, повел ерша на базар,
пришел Фома бородат, почал ерша продавать,
пришел Костентин, дает за ерша алтын,
пришел Мартин, дает за ерша Кастентину барыша
алтын,
пришел Анос да и даром у них ерша унес.
Почали ерша опрятовать, вся молодежь хотят
ужинать.

Пришел Селиван, почал в котел воды наливать,
пришел Мещеря, поставил котел в пещеру,
пришел Абросим да ерша в котел бросил,
пусть-ди попрееет да к ужину поспеет.
Пришел Ерема, принес дров беремя,
пришел Клим, подложил под котел клин:

«Видите, братцы. стоит котел крив».

Пришел Павел да котла поправил,
пришла Акулина, огонь закурила,
пришла Арина да ерша сварила,
пришел Ефим, чесноку налупил,
пришел Лучка, покрошил лучку,
пришел Перша, подсыпал перцу,
пришел малой да парень да ерша перепарил,
пришла Ульяна да ерша перемяла,
пришел Сава да вынул из ерша полтора пуда сала,
пришел Савин, ерша посолил,

пришел Антон: «Сбирайте, молодежь, на стол!»

Пришел Глеб, принес хлеб,

пришел Иуда, разложил ерша на четыре блюда,

пришел Пахом и хлеба упыхал,

пришел Раман да ерша разломал,

пришел Алешка, разложил и ложки,

пришел Демид, хочет ерша делить,

пришел Самсон — да Демида совком,

пришел Терех, стал с шелепом во дверях;

не очень-де, братцы, шумко шумите, ешьте смиреннько.

Пришел Ульян: «Да еще, молодежь, я не пьян, о чом

деретесь?»

Пришел Яков да один ерша смякал, а сам и ушел.

Пришел Конон: «Сустигайте его, молодежь, на конех».

Пришел Елизар, лишь котла полизал, а ерша и в глаз

не видал.

Пришел Борис, по ерше повис,

пришел Данила да сестра его Ненила

да по ерше повыла и конец ершу совершила.

ПОВЕСТЬ О ФОМЕ И ЕРЕМЕ

В некоем месте жили-были два брата, Фома да Ерема, за един человек, лицом они одинаки, а приметами разны:

Ерема был крив, а Фома с бельмом,
Ерема был плешив, а Фома шелудив.

После отца их было за ними поместье, незнамо в коем уезде:

У Еремы деревня, у Фомы сельцо,
деревня пуста, а сельцо без людеи.
Свой у них был покой и прѣсторен —
у Еремы клеть, у Фомы изба.
Клеть пуста, а в избе никого.

Ерема с Фомою торговые люди, стали они за товаром сидеть:

Ерема за редькой, Фома за капустой.

Славно они живут, сладко пьют и едят, не... Захотелось им, двум братом, позавтракати, вышли они на базар погулять.

Ерема сел в лавку, а Фома на прилавок.
Долго они сидят, ничего не едят;
люди ядят, а они, аки оглядни, глядят,
зевают да вздыхают, да усы потирают.
И вставши они друг другу челом, а неведомо

о чем.

На Ереме зипун, на Фоме кафтан,
на Ереме шапка, на Фоме колпак,
Ерема в лаптях, Фома в поршнях,
у Еремы мошна, у Фомы калита.

Захотелось им, двум братом, к обедне идти:

Ерема вшел в церковь, Фома в олтарь.
Ерема крестится, Фома кланяется,
Ерема стал на крылос, Фома на другой,
Ерема запел, а Фома завопил.

И вышел к ним лихой пономарь, стал у них на молебен просить:

Ерема в мошну, Фома в калиту,
у Еремы в мошне пусто, у Фома ничего.

И тот пономарь осердился на них:

Ерему в шею, Фома в толчки,
Ерема в двери, Фома в окно,
Ерема ушел, а Фома убежал.

Отбегши они да оглянутся и сами они друг другу говорят:
«Чего нам бояться, заодно мы бежим».

У Еремы были гусли, у Фома орган.

Разглядя они усы, да на пир пошли. Стали они пиво попивать:

Ерема наливает, и Фома подает.
Сколько пьют, а больше на землю льют,
чужого добра не берегут.

Ерема играет, а Фома напеваает.

На Ерему да на Фома осердился в пиру:

Ерему дубиной, Фома рычагом,
Ерему бьют в плешь, а Фома в е...
Ерема кричит, а Фома верещит:

«Государь соседи, не выдайте!»

Ерема ушел, а Фома убежал,
Ерема в овин, а Фома под овин.

Захотелось им, двум братом, за охотою походить:

Ерема с сетями, а Фома с теняты,
Ерема за зайцы, Фома за лисицы.
Ерема кричит, а Фома больше зычит,
Ерема хватает, Фома перенимает,

сами они друг другу говорят: «Брате Фома, много ли поймал?» Фома говорит: «Чего поймать, коли нет ничего».

Ерема стал, а Фома устал,
Ерема не видал, а Фома не усмотрил.

И видели их лихие мужики, Ерема с Фома испугались их:

Ерема ушел в рожь, а Фома в ячмень,
Ерема припал, а Фома пригорнул,
Ерему сыскали, Фома нашли,

Ерему кнутом, Фому батогом,
Ерему бьют по спине, а Фому по бокам.
Ерема ушел, а Фома убежал.

Встречу им трои сани бегут.

Ерема задел, а Фома зацепил,
Ерему бьют по ушам, Фому по глазам,
Ерема ушел к реке, а Фома на реку.

Захотелось им, двум братом, уточек побить, взяли они себе по палочке:

Ерема броском, а Фома шибком.
Ерема не попал, а Фома не ушиб.

Сами они друг другу говорят: «Брате Фома, не добре тебе».

Захотелось им, двум братом, рыбки половить:

Ерема сел в лодку, Фома в ботник.

Лодка утла, а ботник безо дна.

Ерема поплыл, а Фома не отстал.

И как будут они среди быстрья реки,
наехали на них лихие бурлаки:

Ерему толкнули, Фому выбросили,

Ерема упал в воду, Фома на дно,

оба упрямы, со дна не бывали.

И как будут им третины, выплыли они на крутой бережок,
сходились их смотреть многие люди:

Ерема был крив, а Фома с бельмом,

Ерема был плешив, а Фома шелудив,

брюхаты, пузаты, вельми бородаты,

лицем оба ровны. Никто их . . . один добывал.

Авирон не боится ворон, а на галки есть палки.

Аврам гулял по горам, а Адам крылся по норам.

Аврам, оставя дом, молился за Содом.

Ангели с неба что не просят хлеба.

Ангельским часом заговорить будет квасом.

Адам сотворен и рай отворен.

Адаму копают яму, а мы не хотим, а туды же глядим.

Аер строит росу, а смерть кует косу.

Аз, буки, веди страшит что медведи.

Аз да буки избавит ли от муки?

Аз пью квас, а коли вижу пиво, не пройду его мимо.

Азбука латине — не пиво в братине.

Азбуку учат — во всю избу кричат.

Азов не о сте глазов, а Крым не крив.

Алай булай крымские песни, там их и тресни.

Алтын в мошне, а Мартын в квашне.

Алтын пробивает и тын, а полтина убивает и Мартына.

Алтын пропадет и Мартын упадет.

Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют.

Алчен в кухарне, жажден в пивоварне, а наг-бос
в мыльне.

Алчного гостя не употчивал Костя.

Аль Илья зглупал, что в тюрьму попал?

Аль я виновата, что рубаха моя дыровата?

Анания с Сапфиною солгали и оба пропали.

Ананья да Маланья, Фома да кума — и места заняли.

Антипа не липа — и содрав луб не покрыться.

Аптека улечит на полвека.

Аптекаам предаться — деньгами не жаться.

Аптекари лечат, а хворые кричат.

Аркан не таракан, хошь зубов нет, а шею ест.

Арсенья ждать до воскресенья.

Артамон за лимон, а Симан за тиман, а Влас за квас.

Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы.

Архангельский город — всему морю ворот.

Архип с толчков охрип.

Аршин на сукно, а кувшин на вино.

Аршин сукна швецам, а кувшин винца певцам.

Ау, ау, медведко в лесе, не будет он здесе.

Аще, аще, что меду слаще?

Брат брату головою в уплату.
Брат мой, а ум у него свой.
Бритва остра, да никому не сестра.
Брюхо заболело — чужого захотело.
Буди приветлив, а не буди изветлив.
Буду богат — буду рогат, кого захочу — того
и збоду.
Был на пытке — не тужи о убытке.
Был Сава, была и слава.
Был со всем, а стал ни с чем.
Было ремесло да хмелем заросло.
Быть было биту, да сечен кнутом — не плакать о том.

В горе жить — не кручинну быть.
В отперты двери лезут звери.
Вам смех, а у нас и в лаптях снег.
Велик телом да мал делом.
Велико, кума, деешь: в гости идешь — яйцо несешь;
ты бы запросто шла — блюдо пирогов несла.
Вешной путь не дорога, пьяного речь не говоря.
Взяв у чорта рогожу — отдать будет и кожу.
Взявся за гуж, не говори, что не дюж.
Видит собака молоко, да в кувшине глубоко.
Воеводою быть — без меду не жить.

Вопрос: что де бос? Ответ: сапогов нет.

Вор ворует — мир горюет, вор попал — и мир пропал.

Воробей под кровлю, а сова на ловлю.

Ворон грает вести, что нечего ести.

Всякой молодец на свой образец.

Всякому лихо, как лето не тихо.

Всякому свое мило, хотя на полы згнило.

Где блины — тут и мы.

Говорил день до вечера, а слушать нечего.

Гора с горою не сойдется, а человек до человека
доткнется.

Грибов ищут — по лесу рыщут.

Гром не грянет — мужик не спрянет.

Гулял млад вниз по Волге, да набрал смерть близ
не вдолге.

Давно то пропало, что с возу упало.

Дай бог нашему теляти волка поймати.

Дай ему, боже, что мне негоже.

Дать руками, а взять ногами.

Дать ссуда — навек остуда, а не дать — только на час.

Два воеводы на одной подводе.

Девице красы до косы, а у молодца и до конца.

Дедовские свечки — лучинка с печки.

Дела не делает, а с дела не бегаёт.

Детки в чужие клетки, а батьки за те ж догадки.

Дивное судно корыто — век живет не покрыто.

До слова крепися, а молвя слово, держися.

Добр детинка да лиха хмелинка.

Доброй Иван — и людям и нам, а худой Иван —
ни людям, ни нам.
Добрые жены ткать, а мы новин искать.

Долго спать — долг наспать.

Дорого да мило, а дешево да гнило.

Доселе Макар огороды копал, а ноне Макар в воеводы
попал.

Доселева бывало — жена мужа бивала, а ныне ведется —
и она мужа блюдетя.

Достал Макар до рели — играть ему в свирели.

Достанется сестрам по серьгам.

Друг верен во всем измерян.

Дураков не сеют, а умных не веют, и сами они
объявляются.

Ездить морем — не брезговать горем.

Еловой пень не отродчивой, а смердей сын не
покорчивой.

Естли б на горох не мороз, он бы давно через тын
перерос.

Есть калачи — не сидеть на печи.

Есть медок да засечен в ледок.

Есть пиво — пьем, а нет его — ждем.

Есть пирог — едим, а нет его — глядим.

Есть у молодца — не хоронится, а нет у него — не
соромится.

Есть чего послушать, да было б чего покушать.

Жаба да баба квогчют да клохчут.

Жалеть писцу бумажки — не нажить ему рубашки.

Жаль дружка, да нет пирожка.

Железу при рати обычай бывати.

Желтой цвет — женской привет: как отцветет, и
привет пропадет.

Жена мужа не бьет — только в свой нрав ведет.

Жена мужа потешила — вострым ножиком зарезала.

Женился Тарас — не спросился у нас.

Женится — переменится.

Женское лето по Семен день отпето.

Живет богатой, что бык рогатой.

Живет да поет, мухи махами зовет.

Живет за рекою, а к нам ни ногою.

Живи, колотило, за рекою, а к нам ни ногою.

Животинке водиться, где хлебу родиться.

Жил бы и в орде, толко бы в добре.

Жилы рвутся от тяжести, а слезы льются
от жалости.

Жить в дозоре — не быть в позоре.

Жить весело да есть нечего.

Жить сонливу — быть лениву, а сколько ни спати —
добра не видати.

Жить тихо — от людей лихо, жить моторно —
от людей укорно.

Жни, баба, полбу, да жди себе по лбу.

Журавль межи не знает — и через ступает.

За мухою не с обухом.

За скудость ума таскать будет сума.

За что казак гладок? — поетчи да на бок.

Загорелась душа — бежи до ковша.

Займовать не соромится, а платить — хоронится.

Захотел у собаки кулебяки.

Зачем стало — ай приданого мало?

Заяц уж сед — навидался он бед.

Звал гостей, а накупил костей.

Звалася баба княгинею за пустою братиною.

Зевает волк не етчи — ожидает он овечки.

Злобный муж всем не дюж.

Злое ремесло на рель занесло.

Знаем мы и сами, что кривы наши сани.

Знает и ворона, в чем оборона.

Знает и дед, в кою пору обед.

Знает и щука, в чем ей доука.

Зовут его Фомою, а живет он собою: в люди не ходит,
а к себе не зовет.

Зрит владыка, что нет ни лыка.

Зыбок мост на речке, гибок хвост на печке.

Зять любит взять, а тесть любит честь.

Играл в дуду — не скачут, рыдал в пиру — не плачут.

Игумен Гурей до братьи дурен.

Идет дождь — несет он рожь.

Из одного места не одни вести.

Имет голод — появится и голос.

Иной кажется и глуп, а молвит слово в путь.

Искать кобылку — топтать ковылку.

Испила кума бражки, да хватилась рубашки.

Исус Сирахов наказал много страхов.

Ити дорогою — не все с вологою.

Ити с кошелем стыдится, а сидеть дома тошнится.

И то то будет, что и нас не будет, и то то будет, что
и об нас потужат.

Казак в Запорогах, что пень при дорогах.

Как кто живет, так тот и словоет.

Как ни ворочай — наша корочё.
Как там говорить, где не дадут и рта отворить.
Каков обиход, таков и расход.
Какова пашня, таково и брашно.
Какова пряжа, такова на ней и рубаха.
Какова псу кормля, такова им и ловля.
Каково вееся, таково и мелется.
Капусту садить — спине досадить.
Кашира в рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула.
Квас что малина — десятью наливан.
Кинь хлеб-соль за собою, объявится пред тобою.
Книга кроника — на многих улика.
Книги читать — зла не плутать.
Коли дрова горят, толды кашу варят.
Колько воды ни пить, а пьяну с нее не быть.
Колько волка ни кормить, а он к лесу глядит.
Колько сокола ни кормить, а от рук его отпустить.
Кому болят кости — не думает в гости.
Кому тошно, а попу в мощно.
Кормя калачем — да в спину кирпичом.
Коровки с поля, а пастырю воля.

Костки пестры — зернщику сестры.
Косу острят на траву, а меч на главу.
Косу острят — на траву смотрят.
Которая служба нужнее, та и честнее.
Край земли — конец моря: много везде горя.
Красно гумно стогами, а стол пирогами.
Кто добро говорит, того не дарить, а кто и бранит,
того стало не бить.
Кто желает власти, придут на него сласти,
а потом страсти, да в том ему будет и пропасти.
Кто солнца обегаёт, тот век озябает.
Кто торгует, тот ворует.
Кто у нас обедает, тот про нас и ведаёт.
Кума не мила и гостинцы постыли.
Кусает клоп — досажает, что холоп.

Лезти с печки для перепечки.
Лен не родится — и мочала згодится.
Лес сечь — не жалеть плеч.
Либо сена клок, либо вилы в бок.
Лисица — старая льстица.
Лихву збирать — после вздыхать.
Личико беленько да разума маленько.
Ложкою кормит, а стеблем глаз колет.

Лося бьют в осень, а дурака — всегда.

Лутче ста рублей сто друзей.

Лучше хлеб с водою, а не пирог с бедою.

Люблю долго спать да стыжусь поздно встать.

Люди жать, а мы с поля бежать.

Люди молотить, а мы в замки колотить.

Люди тонут, а он веселую ломит.

Людская молва — что морская волна.

Мед есть — в улей лезть.

Мздою что уздою — обратишь судью в твою волю.

Мил гость что душа — избывают его что ежа.

Много на уме да нет на гумне.

Молебен пет, а пользы нет.

Москва стоит на болоте, а ржи в ней не молотят.

Музыка без языка, два тонца без конца.

Мутно на душе, что нет пива в ковше.

Мухи с обухи, клопы с ослопы, комары с топоры,
тараканы с самопалы, сверчки с лучки.

На напасть не напрядь.

На что было лгать, коли нечего дать.

Наготы-босоты навешаны шесты.

Нажил богатство — забыл и братство.
Назар один слизал.
Написано пером — не высечешь топором.
Наша горница с богом не спорница: каково на дворе,
таково и в ней.
Наши печали не ветры вскачали.
Не держи сто рублей, держи сто друзей.
Не красна изба углами — красна пирогами.
Не наша еда лимоны — есть их иному.
Не охни, не боли — не твои сапоги.
Не померяв броду, не мечися в воду.
Не пошто браниться — пора помириться.
Не родится от свиней бобренок — всегда поросенок.
Не спеши к капусте, как припустят.
Не узнал броду да кинулся в воду.
Не ума набраться, что с дураком подраться.
Недосол на столе, а пересол на спине.
Новая труба гласно, а старая — согласно.
Новой друг что неуставной плуг.
Ноги гнилы — и тонцы не милы.
Носил бы однорядку с короляки да животы коротки.

По которой реке плыть, по той и слава творить.
По одежке протягай ножки.
По пашне и брашно.
По платью встречают, а по уму провожают.
Повадился кувшин по воду ходить, на том ему
и голова положить.
Под лесом видишь, а под носом не слышишь.
Подле воды омочиться, а подле огня ожечься.
Подумав с подушкой, спрошаться и с подружкой.
Пожалеть алтына — потерять полтина.
Покиня шашни, принимайся за пашню.
Поп любит блин, а ел бы он один.
Поп попа кает — только перстом мигает.
Попам да клопам жить добро.
Посла не бьют, ни секут-бранят, лише жалуют.
Пословицы твердить — голова засверьбит.
Пошла в клеть по масло — ин в печи погасло.
Прасол с мясом, а наши — всегда без каши.
Привыкай, коровка, ко ржаной соломке.
Пригож колчан стрелами, а обед пирогами.
Приехал не зван, поедь же не дран.
Пробить коса — осохнет роса.

Пьян да умен — два угодыя в нём.

Пьяной Тит псалмы твердит.

Раба госпоже — что мед на ноже.

Рад бы дал пирожка, да у самого ни куска.

Рад скомрах о своих домрах.

Редко сеять — легко веять.

Редька есть — отрыгается, а рыбка есть —
не случается.

Репу да горох не сей подле дорог.

Решетом воду мерять — потеряешь время.

Ржи много в поле, да нам нет доли.

Рожь да пшеница годом родится, а верен друг всегда
пригодится.

Розсыпал гость товар, да запел что комар.

Русские догадки завернут татю лопатки.

С зятем бранися да за дверь держися, а с сыном
бранися да за печь держися.

Сама ся раба бьет, что нечисто жнет.

Своя ноша не тянет и поту не канет.

Сердце соколье, а смельство воронье.

Сеян лён у семи Олён.

Скоморошья примета — что в пир без привета.

Скрипучее дерево стоит, а здоровое лётит.

Словом поспешен — скоро посмешен.

Смердом слыть не хочется, а дворянином жить
не можется.

Сукно избирай цветом, а друга приветом.

Сухарики сушат — на службу спешат.

Считают бражники частые праздники.

Тать у татя перекрал утята.

Теленок еще в брюхе, а хозяин уже и с обухом.

Тонко прясть — долго ткать.

Тужат да служат, а кто орёт — тот песни поёт.

Тула и зипун сдула, а Кашира и в рогозину вшила.

У друга пить воду лучше неприятельска меду.

У кольца не сыщешь конца.

У людей и нож не режет, а у него и шило бреет.

У Фили пили да Филю же били.

Ударил лицом своим в грязь, хотя и князь.

Улита едет — коли то будет.

Ум говорит: пора итти с двора. А хмель говорит:
дождемся побой да вместе домой.

Умному брань — что глупому дрань.

Умре Адам — быть там и нам.

Умыкали бурка крутые горки.

Федос любит принос.

Фома не купит ума.

Хлеб да капуста лихого не попустят.

Хлеба край — и под елью рай, хлеба ни куска —
и в полатах возьмет тоска.

Хлопот полон рот, а перекусить нечего.

Ходила лиса курят красть да попала в пасть.

Холостой — простой, женат — рогат, а вдовец —
что зяблец.

Хорошо попам да поповичам: дураками их зовут,
да пирогами им дают.

Хотелось постричься, да прилучилось жениться.

Хотя коровка избыть, а сережки купить.

Хотя свита сера, только воля своя.

Цельба пьянице — на столе в склянице.

Чаша моря Соловецкого пить за здравие молодецкое.

Чем богат, тем и рад.

Что в деревне родится, то в городе пригодится.

Что с воза упало, то пропало.

Что с гуся вода — небыльные слова.

Что то за блины — всё в спину без вины.

Чья бы корова мычала, а твоя за двое молчала.

Штаны снял турецкие, а батоги кладут русские.

Шуба овечья, а душа человеческая.

Щебечет соловей в клетке, забыв свои детки.

Щипать соловью калину, пропустя малину.

Щитится рак клешнею, а богат мошною.

Щяпит лошадь ногами, подкована батогами.

Я горло дери, а он доход бери.

Ястреб ловит что хочет, а богат купит что может.

Ястреба вабят — не по голове глядят.

ПРИМЕЧАНИЯ

Образцы демократического стихотворства XVII века приводятся в настоящем издании по спискам XVII — начала XVIII века, причем в каждом разделе представлены и устные и литературные произведения, построенные на основе народной стихотворной системы. При публикации старинных записей, орфография которых не придерживается какой-либо определенной системы, на современную орфографию не переведены слова, которые не только писались, но и произносились отлично от позднейшей их формы. Исправления в тексте заключены в угловые скобки.

Примечания к текстам дают сведения о рукописных оригиналах, их первых публикациях, а также о наиболее авторитетных научных изданиях, где эти тексты воспроизведены со всеми особенностями их орфографии. Отмечаются поправки, внесенные из других списков, если без этих исправлений искажается смысл или создается явный пропуск в изложении. В случае необходимости даются пояснения к отдельным реалиям текстов.

Общим приложением ко всем примечаниям является словарь старинных и диалектных слов, требующих перевода на литературный язык нашего времени.

Условные сокращения

- Былины — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. АН СССР, М. — Л., 1960.
- ВП — <И. Х. Гамель>. Великорусские песни. Из записок бакалавра Ричарда Джемса. 1619—1620 г. «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. 1. СПб., 1852, прибавления, столб. 5—10.
- ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Данилов — В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. Труды ОДРЛ, т. 2, 1935.
- Изв. АН — «Известия Академии наук СССР». Отделение литературы и языка.
- Сатира XVII века — Русская демократическая сатира XVII века.

Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1954.

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Симони — П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 2 (Песни, записанные для Ричарда Джемса) и вып. 7 (Повесть о Горе и Злочасти). СПб., 1907.

ТОДРА — «Труды отдела древнерусской литературы».

ЭПИЧЕСКИЙ СТИХ

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ

Повесть о Горе и Злочасти. Впервые — Н. Костомаров. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. «Современник», 1856, т. 56, отд. 1, стр. 49—68. Текст вместе со снимками рукописи — Симони. Опыт определения ритмического строя, предложенный в этом издании Ф. Е. Коршем, потребовал некоторых изменений в сохранившемся тексте: вставлены отдельные слова, изменен порядок слов. Восстанавливая метр стиха, расстановку ударений, Корш отмечает частую энклизу, иногда даже двойную в одном стихе, двух- и трехсложные анакрузы. Стих повести определяется Коршем как четырехстопный с цезурой (см. «Текст в чтении акад. Ф. Е. Корша». — Симони, стр. 49—73).

В угловых скобках помещены исправления текста, предложенные в издании Симони; квадратные скобки обозначают исправления, введенные переписчиком. *Иноческий чин* — монашеское звание. *От едемского древа великого*. По библейской легенде, в раю («едеме») росло «древо познания добра и зла», плоды которого бог запретил есть первым людям — Адаму и Еве. Все предисловие к повести построено на этой библейской легенде о «грехопадении» первых людей и их наказании. По учению христианской религии, за этот «первородный грех» наказывается «зло племя человеческо». *В вечерней великой*. Чтение, предложенное П. К. Симони, не дает ясного смысла; в рукописи читается «вечерине великое». *Братчина* — общественный пир в складчину, устраивавшийся в древней Руси в церковные праздники. *Не садися ты на место большее*. На пиру гости размещались по званиям и должностям, строго соблюдая порядок. *Изба кабацкая* — особый питейный дом, который был устроен государством при Иване IV, когда право курить вино и варить пиво и мед было сохранено только за феодальной знатью. *Поклонился чудным образом*. Обычай требовал, входя в избу, кланяться иконам, висевшим в переднем углу. *Место тебе не по отчине*. Общественное положение отца определяло место молодого человека в обществе, а следовательно и за пиршественным столом. *Ослушание родительское* — нарушение наставлений родителей. *Отчество мое потерялось* — утеряно положение, полученное от отца. *А нагому-босому шумить розбой* — не страшен грабеж (народная поговорка). *Неминушая* — неизбежная беда. *Родился головнокою* — го-

ловней; заветному желанию родителей, чтобы ребенок был «белешеньким», т. е. счастливым, противопоставляется мнение молодца, что он родился черным, как головня, и потому судьба его сложилась несчастливо. *До вечер<а ни> до обеднем.* В рукописи «до вечерни до обеднем»; выражение не поддается окончательному исправлению.

Повесть о Сухане. Впервые — Изв. АН, 1954, т. 13, вып. 3, стр. 286. Вторично, с обстоятельным исследованием, в книге: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М. — Л., 1956. В последней части повести имеется значительный пропуск, видимо объясняющийся утерей листка рукописи или ее оригинала. В пропущенном эпизоде содержалось, как доказывает устная былина о Сухане, описание встречи раненого богатыря с киевским князем. Реконструкция стихотворного строя повести дана В. И. Малышевым в названной монографии. Воспроизводим ее. Исправления явно ошибочных чтений рукописи повести произведены в издании В. И. Малышева. Характеризуя ритмический строй «Повести о Сухане», В. И. Малышев указывает, что в ней «ритмические единицы» «тесно связаны с синтаксическим строением рассказа», что «отдельный стих дает или законченное синтаксическое целое или синтагму, часть предложения, в которой отдельные элементы представляют крепко спаянное словосочетание» (стр. 86—87). Как и в новейших записях былин, в «Повести о Сухане» чередуются стихи длинные с короткими. Хотя единственная рукопись «Повести о Сухане» представляет довольно небрежную копию, изобилующую ошибками, общий характер ритмического строя рассказа ощущается вполне ясно и связь его именно с былинным стихом несомненна. Возможно, что иногда автор сбивался со стиха героических былин на двухударный стих былин-баллад и эпических песен-скоморошин (стр. 91). *Да охочь был до потехи кречетные.* Так называлась в XVII в. охота за птицей и мелким зверем с «красным кречетом». Словом «потеха» соколиная и кречетная охота называется в «Книге глаголемой урядник сокольничья пути». Царь Алексей Михайлович, любитель такой «потехи», в письмах называл свою охотничью птицу: «красный кречет». *На праздник на усекновених честных главы Ивана Предтечи.* Сухан выезжает на охоту 29 августа ст. ст., когда церковь отмечала память казненного Ивана Предтечи; в этот день в Древней Руси начинался лучший период осенней соколиной и кречетной охоты. *Стало до дела государева.* Приказная формула «государево дело» имела широкое распространение в документах XVII в. и обозначала особо важную государственную службу (см. В. И. Малышев. Повесть о Сухане, стр. 99). В повести так названа оборона государства от врагов. *Волочит за собою копье с прапором.* Измученный пограничный страж, извещающий о нападении врага, едва тащит необходимое сигнальное снаряжение — знамя на копье. *В правой руке и в левой и в сторожевом полку.* Расположение вражеского войска описано обычными терминами русской воинской практики XVI—XVII вв.; «рука» — название «разряда» войска, обычно употребляемое и в официальных документах и в воинских повестях Древней Руси. *И царские приходы весно чинили.* Речь идет о давних весенних выездах русских князей в орду, к татарским ханам, с

данью. Князья названы здесь обычным для XVII в. именем главы государства, поэтому выезды — «приходы» — названы царскими. *И учили татаровя острог ставить, одернулися телегами ординскими.* Приказные документы XVII века донесли до нас немало известий об использовании в то время как русскими, так и татарами телег и повозок в качестве защитного средства от врага. «Тележный городок», как один из надежных способов защиты от врага, был внесен в военное руководство XVII в. — книгу «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», причем ставить такой городок — значило «обдернуть телегами» (см. В. И. Малышев. Повесть о Сухане, стр. 76). *Тут татар костры лежат.* В древнерусских воинских повестях массы трупов на поле битвы сравниваются с «костром» — поленицей дров; «костры мертвых». У Софьи. Киевский храм в честь «Софии премудрости божией», построенный в 1017—1036 гг., богато украшенный фресками и мозаиками, в том числе изображениями князей киевских и членов их семейств. Это был главный храм Киева, на хорах которого слушали богослужение князь и его приближенные. *Жалованное слово* — обещающее награду, благодарность.

Сказание о киевских богатырех... Впервые — Е. В. Барсов. Богатырское слово. Сб. ОРЯС, т. 28, 1881, № 3. Точное воспроизведение всех списков «Сказания» — Былины, стр. 148—165. Явные ошибки списка Барсова и пропуски слов восстановлены по списку (№ 92) из собрания Буслаева (Рукопись ГПБ, О. XVII, 57). В этом списке конец «Сказания» изложен иначе: «Отпущают же Тугарина Змеевича с добрым конем и с своею збруюю ратною. И провожают его до Царяграда до рубежа. И отпустили его во Царьград. И зговорают ему богатыри таково слово: «Скажи ты, Тугарин Змиевич, государыне благоверной царице Елене: еще есмы в правде устояли и царское все исполнили — государю служба служена и честь получена». И поехали богатыри назад в Киев град ко князю Владимиру Киевскому и стали славно жить во граде Киеве. И их храбрости слава не минуется». Такой же в общем конец в списке (№ 8779, Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина) второй половины XVII в. с небольшими разночтениями — сокращениями. Кончается текст этого списка словами: «А богатырем слава во веки веков. Аминь». Не есть ли это в обычном для устных былины стили переделанное название «Богатырское слово» (или наоборот). «Сказание» — произведение, подлинная природа которого еще до сих пор окончательно не выяснена, хотя за 80 лет со времени его опубликования накопилось значительное число исследований, определявших происхождение его. Имеем ли мы в сохранившихся списках «Сказания» свидетельство существования устной былины о походе семи русских богатырей в Царьград, впоследствии забытой народными сказителями, или это литературная повесть — «Богатырское слово», как она названа в старшем списке, — лишь построенная в традиционном стиле богатырской былины, — вот к чему в конечном итоге сводится спор о происхождении «Сказания». Виднейший знаток былинного жанра А. М. Астахова склоняется в своей последней работе именно к этой второй точке зрения, хотя и не считает вопрос до конца решенным: «Сказание о семи

богатырях представляет, по-видимому, сюжет, лишь похожий на былин, но не живший в устной традиции, сюжет, сложенный каким-то автором, который использовал отдельные былинные эпизоды и мотивы, отчасти былинную фразеологию и ритм» (А. М. Астахова и В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков. — Былины, стр. 62—63; часть статьи, посвященная «Сказанию», написана А. М. Астаховой). А. М. Астахова полагает, что «Сказание» не может быть признано целиком стихотворным произведением, что «ритмичность» в нем — «явление вторичного порядка, обусловленное несомненно хорошим знанием былинного материала слагателем «Сказания» и его стремлением создать на основе этого материала повесть о подвигах русских богатырей» (стр. 64). Сохранившиеся пять списков «Сказания» не могут быть целиком разложены на стихи, однако строй изложения в них показывает, как воспринимался былинный стих в XVII веке: автор «Сказания», конечно сознательно, следовал за былинным ритмом не только в тех эпизодах и отдельных фразеологических сочетаниях, которые являются прямым воспроизведением художественного языка устных былин, но и в тех частях рассказа, которые не имеют точных соответствий в былинной поэтике. Пусть и в авторском тексте, а не только в более поздних списках с него, ритм былин не был выдержан на всем протяжении рассказа, однако «Сказание» все же не может быть исключено из группы источников, свидетельствующих о характере народного эпического стиха в XVII в. и опытов его литературного применения. Как и в «Повести о Сухане», в «Сказании» этот стих еще неразрывно связан с былинной героиней в самом содержании.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Впервые — ВП. Печ. по изданию: Симони, стр. 2. Ричард Джемс, священник, был участником английского посольства в Москву, пробыл там с 19 января 1619 г. по 20 августа того же года, затем вместе с частью посольства зимовал в Холмогорах и весной 1620 г. вернулся в Англию. В его записной книжке, хранящейся в Бодлеянской библиотеке Оксфорда, найдена сделанная хорошо грамотным русским запись пяти исторических и лирико-эпических песен о событиях конца XVI — начала XVII в. Песни записаны сплошным текстом, без разделения на строки-стихи. Тетрадка из 8 листов, содержащая песни, была позднее слегка вшита в переплет записной книжки Джемса. Биографические сведения о Ричарде Джемсе и описание его записной книжки см. также в книге: Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 311—317. Ф. Е. Корш в статье, приложенной к изданию Симони (стр. 16—29), исследуя стиховую структуру этих песен и предлагая опыт ее реконструкции, определяет стих песен 1-й и 2-й как «обыкновенный полный былинный размер с примесью некоторых сокращенных стихов» (стр. 23, 27), а строй песен 3-й, 4-й и 5-й как «былинный стих, стяннутый в конце» (стр. 25, 31).

«Зрадовалоя царство Московское..» Изображает торжественную встречу 14 июня 1619 г. царем *Михайлом Фе-*

доровичем Романовым (1613—1645) ростовского митрополита *Филарета* (до монашества — Федора Никитича Романова), будущего патриарха московского, который возвращался в Москву «из неверной земли из Литовской» — из Польско-Литовского государства, куда он был отправлен в 1610 г. в составе посольства московского правительства для переговоров с королем польским Сигизмундом III о кандидатуре на русский престол королевича Владислава. Польша — «неверная земля», так как поляки исповедовали католичество, признававшееся в Древней Руси ересью. *Вывез много князей-бояр.* В составе посольства было много представителей знатных боярских родов. *Государев боярин князь Михайла Борисович Шеин* не был членом посольства, он был смоленским воеводой, руководившим обороной Смоленска с сентября 1609 до начала 1611 г. от осаждавших его войск Сигизмунда III. *К Пречистой соборной* — один из кремлевских московских соборов в честь богородицы — Успенский или Благовещенский.

«А не сильная туча затучилася...» Песня создана в обстановке, когда Борис Годунов в 1598 г. распустил слух о намерении крымского хана Кази-Гирея идти на Москву. О том, что именно Годунов распространял этот слух, свидетельствует его послание к патриарху Иову, где он говорит, что крымский царь «хотел идти со всеми своими ратьми прямо к Москве» (Данилов, стр. 167). Годунов вышел хану навстречу под Серпухов с большим войском. Но слух оказался ложным, пришли лишь послы, которых Годунов напугал палубой. По возвращении Годунова в Москву официальная литература (послание патриарха Иова) объявила этот эпизод чудом — победой, дарованной Годунову божеством. Эту версию знали в Москве, и песня изображает бегство крымского хана, напуганного «с небес» «господним гласом». *Диви-Мурза.* Во время набега крымцев на Москву в 1572 г. был взят в плен Диви-Мурза Ногайский и заточен в Новгороде, где и умер, поэтому сын его в песне и просит пожаловать его «Новым-городом».

«Сплачется мала птичка, белая пелепелка...» и «А сплачется на Москве царевна...» Плачи дочери Бориса Годунова царевны Ксении, сложенные после свержения 17 мая 1606 г. Лжедмитрия I, предположительно приурочиваются к церемонии перенесения гробов Годуновых из Варсонофьевского монастыря в Троицкий (Данилов, стр. 169). В обоих плачах намерение постричь Ксению в монахини приписывается Самозванцу. На самом деле дочь Годунова была насильно пострижена еще в начале июня 1605 г., во время городского восстания в Москве против семьи Бориса Годунова, до вступления в город Лжедмитрия I. *Гриша Отрепьев Рострига* — расстригшийся монах Григорий Отрепьев, из детей боярских, самозванец, выдававший себя за спасшегося от смерти младшего сына Ивана IV, царевича Димитрия, и поддержанный польско-литовскими правящими кругами. *За что наше царство загло, за батюшково ли согрешенье.* Народная молва обвиняла Бориса Годунова в том, что по его приказу был в Угличе убит царевич Димитрий, который должен был после смерти царя Федора Ивановича наследовать русский пре-

стол. Смерть последнего сына Ивана IV обрывала династию Ивана Калиты и открывала дорогу к царскому престолу Борису Годунову. Народные восстания, предшествовавшие вступлению в Москву Самозванца, и польско-литовская интервенция изображаются в причити как наказание за «согрешение» Годунова.

«Ино что у нас в Москве учинилося...» Песня сложена в Москве, в посадской среде, после 16 июля 1611 г. *Не стало у нас воеводы, Васильевича князя Михаила*. Воевода князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский руководил объединенными силами русского и шведского войска, в мае 1609 г. выступившими из Новгорода и совместно с народным ополчением северных и приволжских городов очистившими волжские города и Подмоскowie от польских отрядов. Этот поход создал Скопину-Шуйскому славу освободителя Москвы от польской осады, и в дворянских кругах возник план заменить молодым воеводой неспособного к активной борьбе с интервенцией царя Василия Шуйского. В ответ на этот план реакционная часть боярства во главе с царем и его братом Дмитрием Шуйским решила избавиться от соперника. Когда в конце апреля 1610 г. М. В. Скопин-Шуйский неожиданно заболел и умер, народная молва объяснила эту смерть тем, что на пиру у своего дяди Дмитрия Ивановича Шуйского воевода был отравлен. *Мьстиславской князь, Воротынской*. После свержения 17 июля 1610 г. Василия Шуйского власть временно оказалась в руках боярской думы, из состава которой выделились семь знатных бояр, фактически правивших государством. В этой «семибояршине» видную роль играли князья Ф. И. Мстиславский и И. М. Воротынский. *Сведские немцы* — шведы, под командованием Делагарди воевавшие в союзе с войском Скопина-Шуйского, но вскоре после смерти воеводы перешедшие к захвату северно-западных русских земель. *Побежали немцы в Новгород, и в Нове-городе заперлися*. 16 июля 1611 г. войска Делагарди ворвались в город. Свидетель оккупации Новгорода шведами дьяк Иван Тимофеев нарисовал «страшную картину разорения шведами древнего города и издевательств, которым подверглись его жители» (см. *Временник Ивана Тимофеева*. М. — Л., 1951, стр. 399).

«Ты боже мой, боже, спас милостивой...» Впервые — Песни, собранные П. В. Киреевским, выпуск 7. М., 1863. Приложения, стр. 62—66. В рукописи XVII в., по которой издана была песня, сделаны два ряда поправок — рукой 1688 г. и почерком нового времени; конец песни (в скобках) дописан новой рукой; словом «ряд» должен был начинаться утерянный последний листок рукописи, — восстанавливаем по позднейшим записям стиха. *Гришку Ростригу Отрепьева* — см.: стр. 164. *Первого прельстил короля в Литве, другого прельстил — землю Польскую*. Самозванца поддержал Сигизмунд III, король Речи Посполитой — Польско-Литовского королевства. *Берет вор-собака в проклятой Литве... у Юрья пана (Сендомирского)... Маринку дочь Юрьеву*. Еще до похода в Москву в начале 1604 г. в Самборе Лжедмитрий I встретился с дочерью сандомирского воеводы Юрия Мнишка Мариной и во второй половине апреля

заклучил с ней брачный контракт. *А свадьба была в вешней праздник, Миколин день был в пятницу, а у Гришки свадьба в четверток была.* 2 мая 1605 г. Марина Мнишек прибыла в Москву, и 8 мая, в четверг, в канун «Николина дня» — большого праздника в честь святого Николая, состоялась свадьба, в чем русские усмотрели оскорбительное для православных нарушение обычая. *У святого Михаила архангела — собор Михаила-архангела в московском Кремле, построенный в 1508 г. (Архангельский). Здесь хоронили московских великих князей, а позднее царей, до Петра I.* *А Гришка Рострига из бани идет.* По русскому обычаю, на другой день после свадьбы молодые вместе шли в баню. *Саян — старинное верхнее женское платье. Завтре у меня пир будет.* Свадебные празднества продолжались несколько дней. *А постную еству раздачей дает.* По обычаю, царь во время пира кушанья со своего стола рассылет почетным гостям. Пир был в пятницу, поэтому гостям раздается постная еда, а сам Лжедмитрий «скоромную еству кушает». *А местные иконы под себя стелет, а чудны кресты под пяты кладет.* Так изобразила песня неуважение Самозванца к обычаям православной церкви, которые он нарушал, женившись на католичке и не соблюдая принятых у русских правил поведения. *Девичей монастырь — Новодевичий монастырь в Москве. Ко иноке к Марфе Ивановне — Марфе Федоровне Нагой, последней жене Ивана IV, в монашестве Марии. Прямой ли царь на царстве сидит... Углицкой.* Вместе с малолетним сыном Дмитрием царица Марфа после смерти Ивана IV жила в Угличе, где в 1591 г. царевич умер: по одним данным, закололся ножом в припадке эпилепсии, по народной молве — был убит подосланными Борисом Годуновым убийцами. Когда Лжедмитрий подъезжал к Москве, в селе Тайнинском была устроена встреча его с инокиней Марией-Марфой, которую вынудили признать в нем убитого, но якобы спасшегося сына. Об этой встрече и вспоминает дальше в песне инокия: «приезжает с угрозою...». *Петрушку Басманикова.* Боярин Петр Федорович Басманов, посланный Годуновым во главе войска против Самозванца, одним из первых воевод перешел на его сторону. Восстанием в Москве 17 мая 1606 г. руководили бояре. *Видит же Гришка неминучую.* Когда заговорщики ворвались в Кремль, в царский дворец, Самозванец выскочил в окно и разбился, а затем был убит. *В полаты во набережны.* Внутренние жилые помещения царского дворца были расположены фасадом к Москве-реке и потому назывались «набережными». *На житной ряд.* Торговые ряды были расположены вне Кремля, житный ряд находился на Неглинной.

БЫЛИНЫ

Алеша Попович и Тугарин Змеевич. Впервые фотокопия с утерянной рукописи второй половины XVII в. опубликована: А. И. Станкевич. Отрывок былины об Алеше Поповиче по списку XVII в. (Древности. «Труды Московского археологического общества», т. 15, вып. 2, М., 1894). Опыт реконструкции стихотворного строя отрывка А. М. Астаховой и точное воспроизведение текста: Былины, стр. 139, 219—220. В записи XVII в. сохранился лишь отрывок

былины; отсутствует начало, где описывались события, предшествовавшие встрече Алеши с Тугарином на пиру у князя Владимира, и конец ссоры богатыря с Тугарином. Характер текста дает основание предполагать, что он записан по слуху от исполнителя. Однако малый объем сохранившегося отрывка не позволяет решить окончательно, списан ли он со старшей записи или воспроизводит устно исполненную былинку (см. А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в. Изв. АН, т. 3, 1944 г., вып. 4, стр. 172—173). А. М. Астахова отмечает лишь одно отступление в тексте, нарушающее обычную форму былинного языка, — начальные слова в стихе: «После того подносили ту же чару меду сладкого». Отступлением от былинного ритма является дважды вынесенный вперед эпитет «млад» в сочетании «млад Алеша Попович» вместо обычного «Алеша Попович млад» (Былины, стр. 15). Чашник — в Московской Руси так назывался придворный служащий, в ведении которого находились погреба, где хранились вина и меду.

Повесть о князе Владимире Киевском... и о Михаиле Потоке. Впервые — Л. Н. Майков. Материалы и исследование по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 50—57. Опыт реконструкции начала стихотворного текста былины осуществлен А. М. Астаховой (Былины, стр. 220—222). Текст этой былины в рукописи XVII в. сохранился не полностью, а после 1891 г., когда былина была издана Л. Н. Майковым, утрачены и два последних листа рукописи. Начиная со слов «он меня двожди наехал в беле шатре во чисте поле сонного» текст воспроизводится в чтении Л. Н. Майкова. В середине текста после слов «И посылает посланика» пропущено не менее листа, где описывается начало второго похода под Киев Кошея; после слов «Ой еси, князи и бояры» пропущено описание третьей осады Киева Кошеем, передачи ему Авдотьи, встречи с Кошеем Михайла; утерян и конец былины — расправа с Кошеем и Авдотьей. Ряд исследователей предполагает, что данный текст представляет собой запись с устного исполнения былины, а не копию с более ранней рукописи (подробное обоснование такой точки зрения см.: А. П. Евгеньева. Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потоке — ТОДРЛ, 1957, т. 13, стр. 485, и ее же: Язык былин в записях XVII в. Изв. АН, т. 3, 1944 г., вып. 4, стр. 170—171). Как и другие тексты былин XVII в., данный текст в рукописи написан без разделения на стихи. Опыт восстановления стиховой структуры текста приводит к заключению, что либо исполнитель не всегда выдерживал ее, переходя на прозаическое изложение, либо записывавший не сумел передать полностью стихотворную речь (например: «И Михайл вымает из налучи свой крепкой лук и из колчана калену стрелу» и ниже: «И я не успел положить в налучь крепка лука и в колчан калены стрелы»; «А охотник был Михайла ездить во чисто поле тешиться по два месяца и по три и по пяти. И поехал во чисто поле Михайла тешиться на два месяца. И без него пришел купчина Золотой орды с товары заморскими» и т. п.).

Иван Годинович. Впервые — П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII в. ТОДРЛ,

1948, т. 6, стр. 349—353. Начало былины в рукописи отсутствует; на утерянном листе рассказывалось о пиrowанье богатырей у князя Владимира, где Иван Годинович пожаловался на то, что он еще не женат, и князь посоветовал ему ехать в Чернигов сватать дочь купца Димитрия. А. М. Астахова считает, что по сравнению с другими старинными записями «данная выделяется наибольшей сохранностью былинного речевого склада и ритма», и дает опыт реконструкции стиховой формы былины (см. Былины, стр. 225—228 и комментарий, стр. 296), который и воспроизводится в данном издании. Текст «производит впечатление записи с голоса или по памяти» (там же, стр. 295). Былина об Иване Годиновиче рассказывает о неудачной женитьбе богатыря на дочери черниговского купца Настасье. Этот богатырь не встречается в героических былинах, и поэтому былина о нем относится некоторыми исследователями к позднему времени, возможно близкому к XVI веку (см. А. М. Астахова. Былинный эпос. «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 167). В. Я. Пропп, напротив, считает эту былинку «весьма ранней» (см. его книгу «Русский героический эпос». Л., 1955, стр. 122). Вероятно, этим объясняется и необычный конец былины: молодой богатырь, оскорбленный изменой жены, заявляет князю Владимиру: «Не хочу, государь дядюшка, больше того жениться, но хочу постричься». В старых былинах богатырь уходил на покой в монастырь лишь в глубокой старости («девяноста лет»). Возможно, что сравнительная близость записи ко времени сложения былины и является причиной того, что ее стихотворный склад в этой записи без труда восстанавливается. Гридня — гридница, большая пиршественная зала, где сходились «гриди» — дружинники князя. В богатом доме «гридня столовая» — обширное помещение для пиров.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТИХ

АВТОРСКИЕ ПЕСНИ

Песни в записи С. И. Пазухина. Печ. по изданию: И. М. Кудрявцев. Две лирические песни, записанные в XVII веке. ГОДРА, т. 9, 1953, стр. 380—386. Песни найдены на документе из архива Семена Ивановича Пазухина, костромского дворянина, написанном не ранее августа 1680 г. Песни записаны рукой Пазухина не позднее 1680-х годов, без разделения на строки-стихи.

Песни в записи П. А. Квашнина. Печ. по изданию: М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Изв. АН, 1932, № 10, стр. 913—931. Тексты песен найдены М. Н. Сперанским на оборотной стороне документов архива Петра Андреевича Квашнина, хранящихся в Государственном Историческом музее (ф. 253, ед. хран. 39).

Песни 1-я и 2-я в издании М. Н. Сперанского ошибочно слиты в один текст.

В тексте 3-й песни ряд слов зачеркнут, есть недописанные строки-стихи и вписанные между строк отдельные слова. Стих 4-й остался недоработанным: два начальных слова фразы — «стала, учала» — зачеркнуты, и вместо них новый глагол, необходимый по смыслу, не вписан. Следы незаконченной работы над песней видны также в стихах:

А хотя осуди бог злодея и ненавистника моего,
милого злодея-недруга.

Заметив повторяющееся в обоих стихах слово «злодея», Квашнин вычеркнул его в первом стихе, но оставил ненужный после исключения этого слова союз «и»; слово «недруга» вписано между строк.

Между 3-й и 4-й песнями надпись-заметка: «Выписать из Гранаграфа. Сия песня писано Петр Квашнин». В 4-й песне следы авторской работы: над словами «взговорит она слова плачучи» вписаны два варианта этого стиха — «во слезах она взговорит слова», «насилу слова молвила».

В 5-й песне есть зачеркнутые и вписанные между строк слова; эти поправки показывают, что автор заботился не только о выборе слов (рядом с «клонит» — зачеркнутое «изнимает»), но и о расположении их в стихе, связанном с ритмом (в стихах «кроме слова ласкова да поклона низкого» — «ласкова» и «низкого» еще раз вписаны между строк перед «слова» и «поклона»; очевидно, автор выбирал более пригодную для ритма постановку эпитета).

6—10 песни представляют лишь наброски начал, но и в них сохранились следы работы автора. В 7-й песне зачеркнуты конечные слова: «по чистому полю, цветы моя кручина пустым пустоцветом». 8-я песня обрывается на первых словах фразы: «У молодца»; 10-я песня также содержит 4 первых слова. За последним словом 9-й песни запись: «Писал Петр».

В 12-й песне пропуск после 3-го стиха объясняется тем, что вырвана часть листа рукописи.

13-я песня обрывается на середине фразы.

В 14-й песне есть зачеркнутые слова, причем в стихе «Или я чем поносила тебя, мила друга» правка проведена небрежно: автор начал этот стих иначе: «Или я про тебя что говори» (очевидно, недописанное «говорила»), но затем заменил другим оборотом («чем поносила»), однако зачеркнул лишь «тебя что говори», сохранив ненужное «про».

15-я песня обрывается на середине фразы. Одна из двух вписанных фраз осталась не вмонтированной в текст: против слов «жалела я милого как свою душу в белом теле» сбоку приписано: «Становится ль миленькой постыленькой».

В 16-й песне видна значительная правка, частью не законченная. В трех стихах остались незаполненные пробелы между словами; есть вписанные между строк фразы, одна из которых потом зачеркнута (вместо слов «а держит на меня великой гнев» вписано и зачеркнуто «гнев на меня мил держит»), есть замены слов («услышит» вместо «увидит», «пламя» вместо начатого «огонь», «тошнилося» вместо «встосковалосся»).

В 17-м отрывке первая строка затерта.

В 18-й песне есть пробел между словами, среди мелких поправок обращает на себя внимание замена традиционного эпитета «сердешный друг» более редким «душевной» (автор начал писать первый эпитет «сер» и оборвал его).

Песни 19-я и 20-я имеют несколько пробелов, оставляют впечатление черновых набросков.

Песня из сборника Ричарда Джемса («Бережочек зыблется...»). Впервые — ВП. Печ. по изданию Симони, стр. 1—2 (см. примечания к Историческим песням, «Б-ка поэта», Б. с., стр. 149). Ф. Е. Корш определяет размер этой песни как строй «величальных, насмешливых, плясовых песен» и называет стихи этой песни «ударно-стопными, тоническими» с метром в $2/4$ (стр. 16). По предположению В. В. Данилова, песня сложена среди «ратных людей», владевших и книжной речью. Видимо, речь идет в ней об отрядах, которые «в легких стругах» направлялись для несения службы на окраинах государства (Данилов, стр. 174—175).

УСТНЫЕ ПЕСНИ

«Как ходил доброй молодец по чужедальной стороне...» Впервые — N. Popow. Zwei Bruchstücke der russischen Volksdichtung aus den Zeiten Peters des Grossen (Archiv für slavische Philologie, 1882, Bd 6, стр. 614). Запись песни датируется 1663—1707 гг. По теме и ее ироническому раскрытию (кабацкая изба — рай, голова и целовальники — ангелы) эта песня сближается с антиклерикальной песенной и сказочной сатирой и с группой песен, нашедших отражение в «Повести о Горе и Злочастье». По предположению издателя, «соблуки», о которых идет речь в последнем стихе, напоминают фамилию «Соблуков».

«Со напраслины головушки погнули наши...» Впервые — там же, стр. 614.

«Да ино за рекой деревня четыре двора...» Впервые — там же, стр. 614. Видимо, это начало песни на ту же тему о разбойниках. Сходным приемом описывается в известной песне «Усы» богатый мужик, который:

Живет на высокой горе, далеко в стороне,
хлеба он не пашет, да рожь продает,
он деньги берет да в кубышку кладет,
он пива не варит и соседей не поит...

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, М. — Л., 1958, стр. 280).

«Как рябина, как рябина кудрявая...» Впервые — С. М. Соловьев. История России, т. 14, изд. Общественная польза, табл. 1272. Песня на тему об убийстве женою мужа, широко известная в записях до начала XX в. (см. Л. С. Шептаев. О репертуаре русской народной бытовой песни XVII века. Ученые записки Лен. гос. пед. института им. Герцена, т. 134. 1957, стр. 96—98).

«Постригись, моя немилая, постригись, моя постылая!..» и «Постригись, моя немилая, поскимься, постылая!..» Впервые — А. Н. Пыпин. Дела о песнях в XVIII веке (1704—1764). Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. 5, кн. 4, 1900, стр. 556—557. Тексты обнаружены в деле 1729 г., озаглавленном: «О песне, сложенной в народе по случаю пострижения первой супруги Петра Великого, царицы Евдокии Феодоровны». Канонир Носов обвинялся в исполнении песни, где были «непристойные слова, касающиеся к чести ея величества государыни царицы Евдокии Феодоровны». Первый текст записан со слов обвинителя канонира Гаврилова, который припомнил, что «за такую песню в прошлом 1704-м году в Азове при боярине Степане Ловчикове» один солдат «наказан батогами». Второй текст записан со слов обвиняемого Носова, который заверил, что он пел «с простоты своей в пьянстве, а не с умыслу, и касается ль та песня к чести ее величества, про то-де он, Носов, не знал и запрещения о той песни ни от кого не слышал». Донос оказался ложным, и наказан был («гонен спиц рутен»), а затем отправлен в ссылку в Гилянь Гаврилов. Эту песню о насильственном пострижении связали со ссылкой в Суздальский монастырь в 1698 г. и пострижением в 1699 г. царицы Евдокии. Как видно из дела Носова, песню толковали применительно к судьбе царицы уже в 1704 г., однако имя ее не называлось. В 1864 г. в Арзамасе был записан более полный текст этой песни:

Постригись, моя жена немилая,
ты поскимься, моя жена постылая,
за постриженье дам тебе сто рублей,
за поскимленье — всеё тысячу,
я поставлю тебе нову келийку
я на суздальской славной дороженьке,
чтобы пешие шли, конные ехали,
на твою келью дивовалися:
«Что это в поле за келийка,
что в келийке за монашенка?»
Отчего она пострижена,
и пострижена и поскимлена?
От отца ли она или от матери,
от дружка ли она от любезного,
или от мужа от ревнивого?»

(Пыпин, стр. 561).

РАЕШНЫЙ СТИХ

ПОВЕСТИ

Послание дворительное недругу. Впервые — Л. С. Шептаев. «Послание дворительное недругу». Посадская сатира XVII века. ТОДРА, т. 9, 1953, стр. 378—379. В списке послания есть явные ошибки, в скобках — исправления. *Имя рек* — в образцах последних, собранных в «формулярниках», так обозначалось место, где следует вставить имя адресата.

Послание дворянина дворянину. Впервые полностью — Н. К. Никольский. Рифмованное «Послание дворянина к дворянину» XVII века. Библиографические записки, 1892, № 4, стр. 1—2. Начало и конец послания изложены риторически, книжным языком, воспроизводят манеру пышных обращений к знатному адресату, предлагаемых «формулярниками»-письмовниками. Средняя часть послания, отступая от этой манеры, использует народно-прибауточную речь. *Тульские воры*. В Туле с 1606 г. власть была в руках сторонников Болотникова, руководителя восставших против московского правительства крестьян и горожан. «Воры» — изменники, в данном случае сторонники восставших. *Немного у меня ржи, нет во мне лжи*. Осажденная московскими войсками Тула голодала, поэтому «мужики» требовали у заключенного в тюрьму сведений о том, где спрятан в поместье хлеб. *Сидел 19 недель*. Тула была взята в октябре 1607 г., следовательно рассказчик был захвачен в июне этого года. В заключении послания он называет 23 апреля — день, когда он был «по-видимому в живых». Таким образом, послание написано весной 1608 г., уже после подавления восстания Болотникова. В пышном предисловии рассказчик называет себя «Фуников Иванец». Есть основание предполагать, что это был тульский помещик Иван Васильевич Фуников, сведения о поместьях которого сохранились в писцовых книгах конца XVI в. (см. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. Л., 1949, стр. 518—519).

Роспись о приданом. Впервые — И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. М., 1872, стр. 430—433. По мнению И. Е. Забелина, эта «Роспись» «носит на себе все признаки XVII ст., когда, вероятно, она и была составлена» (стр. 433). Сохраняя форму подлинных «рядных» записей, «Роспись о приданом» наполняет ее, как сказочные небылицы, сочетанием несоместимых предметов, географических пунктов, называет несуществующие вещи. «Роспись» пародирует и самую обстоятельность перечня «рядных», называя даже мельчайшие предметы быта. Связь с устной сказкой-небылицей поддерживается и типичной сказочной концовкой: «Тому честь и слава, а попу каравай сала» и т. д. Насмешка над помещиком, скрывающим свое разорение, подчеркивается описанием его поместья, крестьян, хороменных строений, среди которых оказывается всеселица («два столба в землю вбиты, третьим покрыто»), амбаров, где хранятся окорока капусты, полти (разрубленные вдоль половины

мясной или птичьей туши) тараканы, скотного двора, где 4 журавля стоялых, 2 кошки дойных, украшений, среди которых тюремные кандалы («ожерелье пристяжное в три молота стегано») и т. д.

Сказание о попе Саве... Впервые — С. Елеонский. *Жождение попа Саввы, неизданная антиклерикальная сатира XVIII в.* «Литературное наследство», 1933, кн. 9—10, стр. 106—111. По характеру темы и ряду содержащихся в тексте «Сказания» реалий датируется серединой XVII в. *От Козмы и Дамияна из-за реки, а в приходе у него богатые мужики. За Москвой-рекой была богатая слобода Кадашево с главной церковью в честь святых Козмы и Дамияна. Эта слобода была местом поселения царских ткачей и мастериц полотняной казны. Плата за труд их была выше обычной, поэтому население Кадашевской слободы было зажиточным («богатые мужики» в «Сказании»). Ставленников ищет.* В середине XVII в. по приказу патриарха Иосифа лица, выбранные для того, чтобы их «ставить» на церковные должности, обязывались собираться в Москве, где они проходили обучение у местных священников, а затем уже ставились. *Аз вашу братию в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю.* При обучении и поставлении будущие попы платили своим наставникам, причем всяческие злоупотребления над ставленниками были обычным явлением. *Сколько ты не плутал, а ныне на цепь попал.* Поп Сава настолько откровенно обирал ставленников, вынуждая их вместо обучения работать на его хозяйство, что церковное начальство должно было прибегнуть к обычному до 1700 г. для провинившихся церковнослужителей наказанию: его посадили на цепь в патриаршую «хлебню» — пекарню, где он просеивал муку (см. ниже в «сне попа Савы»: «проснулся, ан уж в патриаршей хлебне на рогозине» в «смешном икосе»: «радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея», «радуйся, хлебню посетив и цепь просветив»). *Приставы — служащие, приводившие обвиняемого в суд. Мне ночесь спалось да много виделось.* Начало сна попа Савы использует обычную формулу свадебных причитаний невесты: «Мне ночесь, молодешеньке, мне ночесь мало спалось, мне во сне много виделось» (П. Шейн. *Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях*, т. 1, вып. 2. СПб., 1900, стр. 402). *Смешной икос.* Икос — одна из разновидностей церковных песнопений. Подражая форме акафиста — молитвенно-хвалебного песнопения в честь Христа, богородицы и святых, в котором каждый стих начинается словом «радуйся», «смешной икос» изображает позор наказанного попа. *Непостриженое гумеце.* В древней Руси при поставлении священников им выстригали кружок волос на темени.

Повесть о Ерше. Впервые — В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 г. СПб., 1903, стр. 103—106. Повесть представляет переделку известного «Судного дела ерша с лещем» — сатиры середины XVII в. на судебные порядки. Рифмованные по системе рашного стиха отрывки повести перемежаются прозаическими строками. Отдельные рифмы явно утеряны при небрежной переписке повести (например, *окунь — охат*), в копии XVIII в. по-

явилось и название одного из служащих суда секретарем. Конец повести представляет краткий рифмованный рассказ о том, как поймали и съели ерша. Этот рассказ разрастается в целое отдельное повествование, построенное по типу народных пословиц, где рифма подбирается к собственным именам.

Сказание о Ерше. Впервые — В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М. — Л., 1937, стр. 147—150.

Повесть о Фоме и Ереме. Впервые — Сатира XVII века, стр. 43—45. Во всех вариантах — и книжных и устных — описываются приключения ничего не умеющих делать братьев, которые обычно изображаются представителями господствующих классов (помещики, торговые люди). О своеобразном ритмическом построении этой повести см. вступительную статью, стр. 12.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Печ. по изданию: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати Павел Симоны. I—II (Сб. ОРЯС, 1899, т. 66, № 7). Порядок расположения пословиц и поговорок изменен — по алфавиту.

СЛОВАРЬ

Барда — гуща от винокурения и пивоварения, корм для скота.

Безживотие — бедность.

Безобсылошно — без предупреждения.

Безпроторица — свобода от расходов, убытков.

Без съезду — не уезжая.

Безчествуй — оскорбляй.

Беремя — вязанка (дров).

Бобыльский — принадлежащий бедному, безземельному крестьянину.

Божливи — боязливые, робкие.

Ботник — ботик, небольшое судно с одной мачтой.

Браные — вытканые или вышитые узорами.

Бридишь — бродишь, идя бродом ловишь бреднем рыбу.

Вежество — учтивость.

Венецкий — венецианский.

Верей — столбы, на которых навешивают створки ворот.

Вершина (реки) — верховье.

Вилявый — изворотливый, лукавый.

Возраяло — закаркало.

Впусте — одиноко.

Выжлеу — гончая собака.

Выплению (о Киеве) — опустошу, взяв в плен всех жителей.

Вытепут — вытолкнут.

Выходы — оброк, дань.

Головою своею наложить — ответить головой.

Головы кабацкис — выбранные или назначенные управляющие кабаком, целовальники, которые грабили пьющих в кабаке, чтобы не только собрать прибыль государству, но и самим нажиться.

Город — ограда.

Граять — каркать.

Грешили — промахнулись.

Гуня, гунька — старая изношенная верхняя одежда, рубище.

Деловые люди — рабочие.

Довеку — навсегда, до конца жизни.

Дородились — доросли, сравнялись.
Дородство — доблесть, мужество.

Едемский — райский.
Ечея — ячея, отдельное звено в сети.

Жали — жалей.
Живет пагуба — есть пагуба.
Животы — имущество.

Жилец двора государева — находящийся при царском дворе на воинской службе (в Московском государстве).

Житие скоропресельное — жизнь, которая скоро минует (по христианским верованиям, короткая жизнь на земле переходит в вечную жизнь в потустороннем мире).

Завечен был (я у своих родителей) — заветным желанием родителей было, чтобы я...

Зазирающе — позоря, бесчестуя, стыдя.

Зазорчиво — позорно, стыдно, бесчестно.

Залез, залезти — нашел, найти.

Заправано — договорено, дано обещание.

Затинул — застругал.

Заточное — затоптанное, грязное.

Зделялися — делились.

Зипун — крестьянский верхний кафтан из толстого сермяжного сукна.

Зычит — громко, резко кричит.

Извадились — привыкли.

Исповедал — разузнал.

Ишем — мед.

Калика — странник, богомолец.

Калита — мешок.

Камка — шелковая цветная ткань с узорами (иногда белая).

Киса — кожаный или суконный мешок, затягиваемый шнуром.

Клеть — нежилая постройка при избе для хранения имущества.

Колды — когда.

Копье с прапором — копьё с флажком: сигнальное снаряжение восточного пограничника.

Корчемники — владельцы корчмы, двора, где тайно продавали вино.

Костари — игроки в кости.

Крепости деревенские — документы о купле и продаже земли с деревней.

Кручиноват — грустный, печальный.

Кряковистый — кряжистый.

Крянули — тронули.

Кулига — лесная поляна, расчищенная для земледелия.

Лалы — старинное название драгоценного камня шпинели.

Легота — легкость, легкомыслие.

Локоть — старинная мера длины, приблизительно полметра.

Мал час поизойдучи — спустя немного времени.

Мало головы не отстал — чуть без головы не остался.

Матица — часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба.

Межень — время, когда вода в реке или озере находится на самом низком уровне (середина лета).

Мечися — бросайся.

Мовник — банщик.

Мурыз и уланове — титулы феодальной знати в татарских государствах.

Мусат, мусатичек — стальная полоса для точки ножей.

Надежи — надень.

Надсадишь — заставишь страдать.

Налня — так что, даже.

Налуч — чехол для лука.

Напустил — набросился.

Нарозно — врозь.

Наскоре — быстро, поспешно.

Наслег — ночлег.

Начаешься — ожидаешь, полагаешь, надеешься.

На шити (шит) взять — завоевать.

Неумичиво — неудержимо.

Обжирчив — обжорлив.

Обошли нас — извести, предупреди о нас.

Обратина — братина, старинный большой сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или для питья вкруговую.

Обреешь — схватишь, заберешь.

Оглядни — настороженные.

Одитным — одним.

Однорядка — старинная мужская одежда в виде однобортного кафтана без воротника.

Окарашки — карачки, на четвереньках (конь упал на четыре ноги).

Опалчив — гневный.

Опашень — старинный долгополый летний кафтан, с короткими широкими рукавами.

Опочив держит — поживает, отдыхает.

Опрети — вспотеть.

Останошную — последнюю.

Острог — крепостная стена из заостренных кверху кольев, место (или город), огражденное такой стеной.

Острога — шпора.

Отлинять — отлынивать, уклоняться.

Отпочки — заношенная, стоптанная обувь.

Отринули — отвергли.

Падубок — дубок под большим дубом.

Переведатися — переговорить, обсудить.

Перепусти — уступи.

Переставилась — умерла.

Персуна, парсуна — портрет.

Печаловаться — заступаться, заботиться.

Питеры и едеры — напитки и кушанья, питье и еда.

Племник — племянник.

Подклеть — нижний нежилой этаж в доме, избе.

Поласамиты — наполовину из аксамита, плотной ворсистой шелковой ткани.

Полпята — четыре с половиной.

Поминки — подарки на память.

Понос — брань, клевета.

Порог, порок — крепостное стенобитное орудие.

Портное, порты — платье, одежда.

Поршни — обувь из кожаных лоскутов, сходная с лаптями.

Поскимлень — принятие монашества.

Пословица — речь, наставление.

Послух — свидетель.

Прапор — знамя.

Прибивалися — присоединялись, приставали.

Пригорнул — прижался.

Приказ — учреждение, ведавшее в Русском государстве в XVI — нач. XVII в. отдельную отрасль государственного управления.

Присталище — пристанище, убежище.

Причитались — присчитывались, включались.

Прозор — прозорливый.

Прошибусь — пробьюсь.

Пряжь — застежка, пряжка.

Пути — документы на право свободного проезда или прохода.

Рогатина — старинное воинское оружие в виде острого копья, насаженного на короткое древко; охотничье оружие в виде большого обоюдоострого ножа на длинном древке.

Саадак, сайдак, сагайдак — лук в чехле и колчан со стрелами, прибор для стрельбы из лука.

С вопча — сообща, вместе.

Скать — дескать.

Скорлат — дорогое сукно.

Скучится — соскучится.

Слуплено — содрано.

Сметить — сосчитать.

Смякал — съел.

Собина — имущество, собственность.

Советный — дающий совет, предостерегающий.

Сомустить — замутить.

Сопостатные находы — нашествия врагов.

Спасенный путь — путь, поведение, которое, по христианским верованиям, приведет к спасению души, к награде после смерти райской жизнью.

Споди — господи.

Сряда — снаряжение.

Станный — находящийся в военном стане.

Стерпивы — сдержанный, терпеливый.

Стоялый — давно не бывший в езде.

Строка — срок.

Строп — один брус стропила, брусьев, составляющих основу кровли.

Стырить — красть.

Сусек — закром, место в амбаре, куда ссыпают муку, зерно.

Сустигайте — догоняйте.

Телогрея — женская теплая кофта, обычно без рукавов.

Терлик — длинный кафтан с перехватом и короткими рукавами.

Третинь — третий день.

Тынинки — заборные колья.

Убрус — платок.

Уклад — устройство.

Упадки — повадки.

Упадывать — водиться с кем.

Упахал — съел.

Усердия добрая — сильная вспыльчивость.

Утла — ветхая, гнилая.

Филиппов пост — зимний, декабрьский пост перед Рождеством.

Фрязин — гонуэзец.

Чежелый — тяжелый.

Чекмень — кавказская верхняя мужская одежда.

Чечий (жемчуг) — отборный.

Чирь — башмаки.

Шелеп, шелепина — плеть, нагайка.

Шелудив — покрытый сыпью, коростой.

Ширинка — полотенце, короткий отрез ткани.

Шкапа — кляча.

Шотчи — идя.

СОДЕРЖАНИЕ

Русская демократическая поэзия XVII века. *Вступительная*
статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева 5

ЭПИЧЕСКИЙ СТИХ

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ

Повесть о Горе и Злочастии	33	160
Повесть о Сухане	45	161
Сказание о киевских богатырях...	50	162

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

«Зрадовалося царство Московское...»	62	163
«А не сильная туча затучилася...»	64	164
«Сплачется мала птичка, белая пелепелка...»	66	164
«А сплачется на Москве царевна...»	67	164
«Ино что у нас в Москве учинилося...»	68	165
«Ты боже мой, боже, спас милостивой...»	69	165

БЫЛИНЫ

Алеша Попович и Тугарин Змеевич	72	166
Повесть о князе Владимире Киевском... и о Миханле Потоке	74	167
Иван Годинович	83	167

ЛИРИЧЕСКИЙ СТИХ

АВТОРСКИЕ ПЕСНИ

Песни в записи С. И. Пазухина		
Песня Ивана Лукьяновича	91	168
Песня Андрея Михайловича Пестова	91	168

Песни в записи П. А. Квашнина	
«Свет, моя милая, дорогая...»	93 168
«Не по-летнему солнышко на небе греет...»	93 168
«Не голубка с голубем ворковала...»	94 169
«На тихой на заводи...»	95 169
«Не сон меня, молодца, клонит...»	96 169
«Жарко, жарко красное солнышко греет...»	96 169
«Развейте мою кручину, буйные ветры...»	96 169
«С кручины болит моя буйна голова...»	97 169
«Прилетала ко молодцу птичка...»	97 169
«Ой не бушуют буйны...»	97 169
«Износил свою молодость для друга, для много...»	97 169
«Я думала-подумала...»	98 169
«Ой сахар мой, сахар, бел крупчатой, канарской!...»	98 169
«Не ясен сокол летает...»	99 169
«Как изсохла трава-былиночка осенью...»	100 169
«Ай не красной цвет рано... засыхает...»	101 169
«Тужит...»	102 169
«Ай кто не ведает, а что есть на моем сердце...»	103 170
«Во поле груша, груша ль моя...»	103 170
«Далеко было во чистом поле...»	104 170
«Возвейте вы, буйные ветры...»	104
Песня из сборника Ричарда Джемса	
«Бережочек зыблется...»	105 170

УСТНЫЕ ПЕСНИ

«Как ходил доброй молодец по чужедальней стороне...»	107 170
«Со напраслины головушки погинули наши...»	108 170
«Да ино за рекой деревня четыре двора...»	109 170
«Как рябина, как рябина кудрявая...»	110 171
«Постригись, моя немилая...»	111 171
«Постригись, моя немилая...»	112 171

РАЕШНЫЙ СТИХ

ПОВЕСТИ

Послание дворительное недругу	115 172
Послание дворянина дворянину	117 172
Роспись о приданом	119 172
Сказание о попе Саве и о великой его славе	121 173
Повесть о Ерше	124 173
Сказание о Ерше	133 174
Повесть о Фоме и Ереме	135 174

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ	138 174
------------------------------	---------

ПРИМЕЧАНИЯ	159
-------------------	-----

Словарь	175
----------------	-----

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

Редактор *Д. С. Лихачев*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *О. К. Ковалова*

Сдано в набор 26/IX 1961 г. Подписано
в печать 26/I 1962 г. Бумага 84 × 108^{1/32}.
Печ. л. 5^{3/4} (9,43). Уч.-изд. л. 8,25.
Тираж 8000. Зак. № 1294. Цена 40 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	16 сверху	односторонность	однородность

